Виктор
Рассохин

Последняя дуэль

А. С. Пушкин.
Портрет работы О. А. Кипренского.
1827

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.

1836

Александр Пушкин

Виктор
Рассохин

ПОСЛЕДНЯЯ ДУЭЛЬ

"Посмертный обыск"
(Драматическая поэма)

•

Избранные стихотворения

Орел
Издательство "Фолиант"
1997

ББК 84 (2р) 6
Р-24

К 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина.

Автор книги выражает сердечную благодарность за внимание к отечественной литературе и спонсорскую помощь Председателю Совета Федерации, главе администрации Орловской области Егору Семеновичу Строеву, генеральному директору АО "Росагроснаб" Виктору Яковлевичу Лимареву, генеральному директору ОАО "Орелагропромснаб" Александру Ивановичу Наумову, генеральному директору ЗАО "Орелагролизинг" Светлане Николаевне Каменевой.

Рассохин Виктор Васильевич

Р24 Последняя дуэль: стихотворения и поэма / Сост. и иллюстрации автора. — Орел: издательство "Фолиант", 1997. — 204 с., ил.

Любителям поэзии предлагается подарочное издание избранных стихов Виктора Рассохина.

Специально выполненные для этой книги этюды автора органично вплетаются в подборку стихотворений, создавая обрамление почти зримому образу поэта.

ISBN 5-88900-017-9

© Рассохин В.В., 1997

На рассвете

Торжественно величие момента,
Великий Петр — единство и полет.
Но не краснеет бронза монумента,
А зеленью холодной отдает.

И, хоть змея гремучая убита,
И грудь царя распахнута ветрам,
Мне кажется, что мощные копыта
Еще хрустят,
хрустят по черепам.

Виктор Рассохин

Связь времен

В 1977 году в Орел, где молодой Пушкин в 1829 году встречался с опальным генералом Ермоловым, приехал из Москвы правнук Александра Сергеевича — Григорий Григорьевич Пушкин. Именитый гость был встречен цветами и улыбками на литературных вечерах в заводских и фабричных аудиториях, во Дворцах культуры...

Вопросов задавалось несметное количество. Он отвечал афористично и образно. Много интересного мы узнали из его биографии и семейных преданий. Я подарил ему свою первую книгу "Капель", там было стихотворение о Пушкине. На втором экземпляре он оставил надпись: "Виктору Рассохину от правнука А.С. Пушкина Григория Пушкина. 5.07.77. г. Орел". За краткими словами стоял огромный художественный мир "солнца русской поэзии". Пожимая руку правнука поэта, я почувствовал, как пробежал по мне легкий электрический ток. Живая эстафета времени. В сознании промелькнули лицей... декабристы... Натали... Черная речка... строки лермонтовского стихотворения...

Потом я уехал в Михайловское. Бродил у берегов Сороти и озер. Встречался с патриархом тех мест Семеном Степановичем Гейченко, слушать которого было счастье. Поклонился поэту у стен Святогорского монастыря. Познакомился с приветливыми сотрудниками единственной в мире газеты "Пушкинский край". Стоял у алтаря, беседовал с монахами Псково-Печерского монастыря. Побывал в Санкт-Петербурге, в знаменитом лицее, на месте дуэли, в последней квартире поэта. В раздумье постоял в Александро-Невской лавре у черного гранита с надписью: "Наталья Николаевна Ланская"... Из тех исторических и заповедных мест я привез поэму "Посмертный обыск" и цикл стихо-

творений. Поэма вошла в мою книгу“Шапка Мономаха”, тепло встреченную читателями у нас и за рубежом. Старшеклассники орловских школ по сюжету поэмы писали сочинения. Мне, автору, это очень дорого, дорого так же, как встреча и часы общения с правнуком гения.

В Михайловском

Не знал поэт, встречая Пущина,
Обрадованный бубенцом,
Что мало лет ему отпущено
До встречи с гибельным свинцом.

Не знал, что будет царь утешенным,
Обмолвясь свите золотой:
— Давно пора... К пяти повешенным
Теперь прибавился шестой.

Ну, а пока — снега до месяца,
Вино, беседы о Руси...
И беспрестанно няня крестится:
— Спаси их, господи! Спаси!

* * *

Шмель проснулся, гудит басовито с рассвета,
На брюшко собирая пыльцу первоцвета.
Стебель гнется, и шмель уползает куда-то,
И качает его густота аромата.

Бело-синие перышки зяблик почистил.
Скоро гром прогремит, словно пушечный выстрел.
И в еловую глушь отлетели синицы,
Где и солнце ломает золоченые спицы.

* * *

На сосновых стволах желтоватые пятна,
Покрывает заря позолотой кору.
И доносится дробь прилетевшего дятла,
Словно кто-то трещотку поставил в бору.

Это — песня его в миг любовного тока,
Эта песня туман пробивает подчас.
И, услышав ее на макушке высокой,
Может, что-то высокое вспыхнет у нас.

Среди лип

Я помню чудное мгновенье...
А. Пушкин

Два сердца в искренности маются,
Пусть на мгновенье, не на век.
Идут, о корни спотыкаются,
О дятле шутят: “Дровосек...”

И вдруг летит в лицо прекрасное,
Соединяя тень и свет,
Испепеляющею фразою
Нетерпеливое: “Аннет?!”

Рука в руке. Дрожанье в голосе,
Да озарение его,
Да липы знают все подробности,
А мир — не знает ничего.

Мир только после разволнуется,
Почует жар полночных строк,
Когда отчаянная спутница
Обронит свернутый листок.

Времена года

* * *

На редкость выпал лиловый день,
Он громом на части колется.
И фиолетовая сирень
От молнии — белой становится.

* * *

Пахнет намокшей пылью,
Капли с крыльца стучат.
Стрижи косяками крыльев
Звонко стригут закат.

* * *

В грибных местах оранжевая кронь,
Ей шлет свой крик гусиная станица.
И кажется, что лист кленовый тронь —
Он от тепла ладони загорится.

* * *

Внезапно снег явился с выси
И осветил сияньем тьму.
Он, как артист на бенефисе,
Где все внимание — ему!

* * *

Услышал гром лозняк-приречник,
Оглохший за зиму от вьюг.
И просыхающий скворечник
Одним глазком глядит на юг.

От окрыленности прохожих
Денек мне кажется теплей.
Кто был постарше — стал моложе,
Кто молод — выглядит юней.

И ловишь зелень жадным взглядом,
И вместе с зеленью растешь,
И чувствуешь, что счастье рядом,
Когда под радугу идешь.

* * *

Славится ракитами деревня,
Полюбил ракиту человек.
Без ее простого шелестенья
Не представлю родины вовек.

Для нее повсюду хватит места,
В ней душа российская жива:
В зной — подруга,
В майский день — невеста,
Осенью — печальная вдова.

Мне б хотелось, чтобы с нею рядом,
Грусть смягчая отсветом добра,
Расцветала праздничным нарядом
Яблоня у каждого двора.

Перед рассветом

За рекой своё отвыли волки.
В соснах оседает темнота.
Остывает рукопись... И строки —
В вечность устремляются с листа!

Посмертный обыск

(Драматическая поэма)

Василию Андреевичу Жуковскому — спасшему и сохранившему для потомства архив Александра Сергеевича Пушкина.

Действующие лица

Дубельт Леонтий Васильевич — генерал, начальник штаба корпуса жандармов.

Жандармский офицер.

Николай I — царь.

Адъютант царя.

Бенкендорф Александр Христофорович — граф, шеф корпуса жандармов.

Жуковский Василий Андреевич — поэт.

Вяземская Вера Федоровна — княгиня, жена поэта Вяземского.

Пушкина Наталья Николаевна — вдова поэта.

Гончарова Александра Николаевна — ее сестра.

Жена Дубельта.

Булгарин Фаддей Венедиктович — писатель и журналист, агент Третьего отделения.

Действие в Петербурге.

СЦЕНА 1

Кабинет канцелярии.

Дубельт

Ну, что там камер-юнкер?

Жандармский офицер

Не жилец.

Дубельт

Я не о том. Об этом пуля знала.
Обидно, что толпу привлек свинец.
А где толпа — там станови капрала.

Жандармский офицер

Дежурят-с.

Дубельт

Проследить!
Мороз пока не лезет под
шинели?
Мальчишки... Пистолетов разрядить
При ненависти дикой не сумели.

Офицер удаляется. Генерал, бросив чье-то "Дело" на стол, подходит к окну.

Допрыгался: то с севера на юг,
То Грецию воспел, то Пугачева...
Насмешек не прощает Петербург,
Тем более — кощунственного слова.

Казалось бы, довольно декабря:
Не тронули ни пыткой, ни острогом.
Но где там? Обезличивал царя.
И Фотия позорил перед богом.

Редчайшая расхристанность души
При кошельке без шороха и звона.
Резвился на журнальные гроши
И оные... выклянчивал у трона.

Не понимают люди, что к чему,
Виня других, в свои же лезут сети.
А крест один и дури, и уму,
К тому же — каждый смертный на бюджете.

СЦЕНА 2

Зимний дворец. Николай I после известия. Прохаживается в раздумье.

Горяч... Горяч... По нашим-то снегам?!
Летят с копыт фельдъегерские кони.
Легко курить свободе фимиам,
Как будто ей препятствуют на троне.

Не думал, что придется мне писать
Прискорбную, но важную бумагу.

Ах, да... Печать. На кабинет — печать.
Чернь любопытна. Обелит беднягу.

Певец был с бунтарями заодно.
Их дух делил... И знаю не по слухам.
Но... будет о покойнике... грешно.
Январская земля не станет пухом.

Вызывает адъютанта, держа пакет.

А д ъ ю т а н т

Слушаю, Ваше Величество!

Н и к о л а й I

Для Бенкендорфа.

Адъютант вытягивается в струнку. Щелкает каблуками.

СЦЕНА 3

Приемная зала. Бенкендорф читает сначала про себя, потом вслух:

"Пушкин умер. Я приказал Жуковскому приложить свою печать к его кабинету и предлагаю Вам послать Дубельта к Жуковскому, чтобы он приложил жандармскую печать для большей сохранности. По истечении восьми дней эти два лица могут снимать печати, и Жуковский разберет бумаги".

Понятно. Но Жуковский-то зачем?
Наследника учил... А это ж ДЕЛО!

И Отделенью жарко от поэм.
Воспоминаньям время, что ль, приспело?

Певец "Светланы" может под конец
Секреты вскрыть в порыве откровенья.
Не от него ль талантливый юнец
Принял портрет, как знак благословенья.

Но воля божья! Учит — седина,
Научит и последняя квартира.
Тут выбитая лира не слышна,
А что его расстроенная лира?!

У Дубельта к тому ж собачий нюх,
Изучит все от запятой до точки.
Работает и действует за двух.
Ох, шельма! Увильнул от одиночки!

Поголубел, царев паек ценя,
И, хищную повадку соблюдая,
Случись ведь что — допросит и меня,
Блеснет улыбкой: служба, мол, такая...

СЦЕНА 4

Квартира Пушкина.

Д у б е л ь т

Василь Андреич! Как вам тяжело!
Да и меня до слез волнуют строки:
Отечество нам Царское Село...
Хотя я там не бегал на уроки.

У траура — пощады не проси,
Приходит он, сердца и лица старя,
Но, чтоб сияло солнце на Руси,
И нам пришел совет от государя.

Пока от кривотолков пользы нет,
Клянут Дантеса за пристрастье к юбке.
...Приложим-ка печать на кабинет.
И заварил же кашу камер-юнкер!

Ж у к о в с к и й

Да, утонул в житейских мелочах:
Долги, балы и письма безымянны...

Д у б е л ь т

Мне говорят, что беллетристы странны:
Не пишут утром, больше — при свечах.

Ж у к о в с к и й

Причуды есть. Кто в мире без причуд?
Душа пуста — преуспевает тело.
По-моему, не затерялся б труд,
А как писался — в этом, что ли, дело?!

Не боязно вам заходить сюда?

Д у б е л ь т

Чего бояться? Тишина — безрука.
Осмотр вещей — интимная наука.
И тишина при ней, как никогда.

Не затеряем праведных трудов,
Какие бы ни выпали мытарства,
Когда так о сохранности стихов
Болеет и печется государство.

СЦЕНА 5

Н а т а л ь я Н и к о л а е в н а

(сестре)

Нашатыря мне. В комнате — чужие.
Ужель нет переписки поважней?
Прошла вся просвещенная Россия,
А в доме и темней, и холодней.

И, право, негде сердцу отогреться,
Слез больше нет, учусь теперь молчать.
И, кажется, печать стоит на сердце,
Как глыба льда, ВЕРХОВНАЯ ПЕЧАТЬ.

В бумаги погрузились... джентльмены.
Где этикет? Невежества предел?
Простила б, если б Саша был военный
Иль бунтовщик безумно-дерзновенный,

А то ж ведь защититься не сумел.

А л е к с а н д р а Н и к о л а е в н а

(вытирая слезы)

Где там умел? Да он лягушек
Верст за пятнадцать обходил.

И всю росу лесных опушек
В усадьбу утром приносил.

Светился... Слушаешь, как сказку,
Его взволнованную речь.
Но где для нас искал он ласку —
Туда и тройки не запречь?

И вместо солнца — век затменья,
Тревожно, жутко и темно.
Сидим с тобою без движенья —
А ведь кому-то все равно.

Наталья Николаевна

И декабрей двенадцать пролетело,
И был допрошен в оные года.
Живому — дело, мертвому шьют дело,
Не ворошите память, господа!

Да, посланы... да, вы не виноваты.
Куда ни глянь — и тот, и этот прав.
Жуковский... Дубельт — верные солдаты,
А раз на службе — соблюдай устав.

Кто дал вам право, недруги и други,
Глубины душ мундиром оскорблять?
Вы сами шлете пули и недуги,
Пуская вслед жандармскую печать.

Вскипает страсть к оставленным бумагам,
У конвоиров творчества — вдвойне.
Так варвары не рвались к саркофагам
Сквозь стены, чуя золото на дне!

Скорее бы закончили все это.
Нет больше сил — почти что не живешь.
При жизни — жизнь отняли у поэта,
И после смерти — вежливый грабеж.

Александра Николаевна

Не надо. Успокойся, ради бога;
И все-таки при зоркости орла
В Михайловское... новая дорога
Со всех концов России пролегла.

Наталья Николаевна

Дорога! А со мною — ребятишки.
Все четверо! В хозяйстве сколько дыр?!

Александра Николаевна

Я посижу, покуда им — за книжки.
Ребенок с книгой, значит, вышел в мир.

Наталья Николаевна

Голубушка!

(подходит и обнимает сестру)

СЦЕНА 6

У Вяземских.

Жуковский

Я так устал... Теперь бы на год — сна!

Вяземская

Возьми флакон. Виски натри духами.
Как Натали?

Жуковский

Бледна и холодна.
И не к кому на исповедь с грехами.

Вяземская

Ты раздражен. Зачем такой укор?
Не сам вчера ли в качестве примера
Читал: СУДЬБЫ СВЕРШИЛСЯ
ПРИ-ГО-ВОР...

И похвалил за смелость офицера.
Да, кстати, кто он?

Жуковский

Истинный гусар!

Вяземская

Но до чего ж язвителен, Василий!

Жуковский

Боюсь я, Вера, как бы этот дар
Заране царедворцы не зарыли.
Его стихи — гроза среди зимы,
Они сразили многих, кроме франта.
И, если в Лету не сорвемся мы,
Почуем сердцем магию таланта.

Вяземская

Храни, господь! Чужой, а стал-то наш,
Хотя его не видела ни разу.

Жуковский

Ты — лекарь... А возьмусь за карандаш,
Пейзажем одарю за эту фразу.
Ну, мне пора! Не спать сегодня мне.
А это... познакомься в тишине.

(подает ей свернутый в трубочку лист со стихами Лермонтова)

СЦЕНА 7

Жуковский у себя дома. Поспешно разрывает конверт, подписанный Бенкендорфом.

Весть любопытна. Я б сказал, весьма!
Она страшней внезапного удара.
Анчарный вид у этого письма
И логика дворцовского анчара.

Но я противоядие принял:
Пока спасает царская ливрея.
И я не новобранец, генерал!
Вытягиваться в струнку не умею.

Ведь каково?! *(перечитывает вслух)*
"...бумаги, могущие повредить памяти Пушкина, должны быть доставлены ко мне для моего прочте-

ния. Мера сия применяется отнюдь не в намерении вредить покойному в каком бы то ни было случае, но единственно по весьма справедливой необходимости, чтобы ничего не было скрыто от наблюдения правительства, бдительность коего должна быть обращена на всевозможные предметы. По прочтении таковых бумаг, ежели таковые найдутся, они будут преданы огню в Вашем присутствии".

Огня! — кричат: — Огня! Идут с огнем.
Какая государственная смелость.
Стихи четвертовали при живом,
Теперь от них вам пепла захотелось?

О памяти вам тут ли говорить?
Неслыханная лживость откровенья.
Вы, торопясь в глуши его зарыть,
Еще при жизни жаждали забвенья.

То посылали в степь на саранчу,
То объявляли мерзким дуэлянтом...
Что многое прощаешь палачу,
Того я не прощаю аксельбантам!

А рукописи — будете читать,
В любой строке — вынюхивать крамолу.
На гения — не выставить печать,
И описи он чужд, и протоколу.

Неиссякаем свет его души,
Прорвется он сквозь тернии цензуры.

Живет литература на гроши,
Где золото — там нет литературы.

(Гасит свечи. И долго лежит в постели, не засыпая).

СЦЕНА 8

В кабинете Пушкина.

Жуковский

Мне тяжело бумаги разбирать.
Не то чтоб страх — волненье одолело.

Дубельт

Василь Андреич! Можете... в кровать,
А мне, как радость, начатое дело.
О сколько манускриптов! Боже мой!
Есть что читать Романовым зимой.

А то, признаться, наши донесенья
У сфинкса могут вызвать озлобленье.

Жуковский

Вы правы, повсеместно нужен глаз,
Чтоб дух зловредный выбить в человеке:
То Польша, то Сибирь, теперь Кавказ —
Пронумеруй-ка судьбы в картотеке!

Не как-нибудь, чтоб лучший каллиграф
Трудился над заданьем, замирая,
Поскольку то досье представит граф
Пред очи венценосца Николая.

Дубельт

Представьте, так... Быть может, ваш архив,
Когда лет сто, к примеру, проживете,
Не будет так печально-сиротлив:
Царя... в душеприказчики возьмете.

Мундирам голубым хвала и честь,
Не подведут ни слух, ни зоркость глаза,
Чтоб греческо-французская зараза
В Россию не сумела бы пролезть.

Жуковский

Куда теперь от света? Видит Бог!
Вопросами замучают до смерти:
Подай ненапечатанный стишок,
Любовное послание в конверте,

Записку, эпиграмму, мадригал,
Где он страдал иль мучился, печалясь,
Такие, чтоб лишь автор их читал
И те, кому они предназначались.

Дубельт

Секрет, Василь Андреевич, секрет!
У нас — наиважнейшая задача.
У сплетников и сплетниц чести нет:
Свет-правду дай — во тьму переиначат.

Я с публикою всяческой знаком:
Лжецы молчат, витийствуют пророки,

Когда мы в Отделении берем
У их же откровенности уроки.

Позвольте, а у вас что за пакет?
Обложка интересного изданья.
Пером рисунки... Женский силуэт...
Знать, копия предмета обожанья.

В ней что-то от графини есть НН,
Прекрасен стан и бюст не без изъяна.
Винил Дантеса, сам был у колен,
Большой знаток любовного романа.

Василь Андреич! Письма отложить!
Собратьям по перу о них ни слова.
Так мило, что разбор ведут мужи,
А то бы побледнела Гончарова!

К чему ей правда в пустоватый след,
И так отбилась, бедная, от света.
И, на Парнасе счастья не нашед,
Забудет телом бойкого поэта.

Жуковский

Жизнь человека — дьявольски сложна,
И путь его то в солнце, то в тумане...
Конечно, будет чья-нибудь жена,
Детей поднимет и сама воспрянет.

Но на душе останется пятно,
Не смыть его горючими слезами.
Погиб поэт. Он в будущем давно,
А мы над словом мучаемся с вами.

Д у б е л ь т

Мечтаете... А молодость строптива.
Кто ей откроет двери госархива?
Да и зачем в гробах будить века —
Пусть здесь умрет крамольная строка!

СЦЕНА 9

Квартира Дубельта. Генерал за столом без мундира. Просматривает газету.

Ж е н а

Леон! Опять за истиной спешишь?
Ты ближе к ней, она еще далече...

Д у б е л ь т

Что делать? Петербург стал, как Париж,
И якобинцы... требуют картечи.

Но мы при гуманизме при своем
Надеемся на благостное что-то:
Такие, мон ами, веревки вьем,
Что рвутся иногда у эшафота.

Позор! И все от слабости руки.
А вот мужик не только знает межи.
Да он в лесу петлею из пеньки
Под корень дуб столетний перережет.
Не то что наши шеи.

Ж е н а

Бог, избавь!

Д у б е л ь т

Избавит при системе арестантской.
Бунтовщиков на подвиг лишь возглавь —
Учинят суд, как в “Дочке капитанской”.
А надо бы силенкой поиграть
После того... декабрьского взрыва.
Когда в дому и тишь, и благодать —
Что правда? Даже ИСТИНА сонлива.

Сибирь для духа — превеликий рай,
Кавказ для духа — вижу, пользы мало.
Стреляешь в дух — так сразу выпускай!
Как говорят, чтоб духу не бывало.

Под крыльями двуглавого орла
Вольготно поживает “Современник”.
Что для него Фаддеева “Пчела”?
Хотя “Пчела” нектар берет из денег

Огромной государевой казны...
Жужжит, как трутень, золото съедая.
Усопшему укусы не страшны,
Но братия, пожалуй, там такая.

Масонствуют, слетаются в кружки,
В своих стихах клеймят тиранов мира.
А разглядеть их ближе: б о с я к и!
Без совести, без чести, без мундира.

Ж е н а

Да, ты устал. Излишне говорлив.
Что приказать подать тебе на ужин?
Надеюсь, надоел тебе архив?

Д у б е л ь т

Наоборот. До запятой мне нужен!
До ЗА-ПЯ-ТОЙ...

Ж е н а

ДО ЗАПЯТОЙ? А разве ты лингвист?
Что толку рыться в письмах африканца.
Уже тебя не вдохновляет вист,
Лицо давно отвыкло от румянца.

А может, развлечемся? Погостим?

Д у б е л ь т

И не проси! Еще прочту страницу.
Ты помнишь, как спасали гуси Рим?
А мне спасать приходится столицу.

Что Петербург? Весь набожный народ
Мы отлучим от пишущего брата.
Романовы за мною и Синод,
Лжепатриотам — сырость каземата.

Рыдает по изменникам петля,
И топору, пожалуй, снятся шеи.
С их смертью очищается земля,
А ты про вист... когда вокруг злодеи.

СЦЕНА 10

Жуковский у себя дома. Один.

Эх, святогорец... Знал ты или нет,
Что трудно трон раскачивать стихами,
Когда один Дантесов пистолет
Свет поменял на мрак перед глазами.

Не знал ты, что холодная рука
Листать начнет горячие страницы,
Холодная, как сталь того курка,
Холодная, как зимний вид столицы.

И даже я, хоть близкий, но чужой,
Приставленный к бумагам для знакомства,
Был в этот день буквально как больной
При виде рукописного сиротства.

Располовинят бесы, разнесут
Стихи, наброски... Знаем этих хватов.
Да мало ли какой вельможный плут
Добавит дегтя в чувства адресатов.

Спи, святогорец. Тень монастыря
Не вечна над останками твоими.
Уже встает прекрасная заря,
Что призывал ты вместе с пятерыми.

Но что тебе мой запоздалый бред,
Когда при жизни я склонил колени...
А сыщикам лишь укажи на след —
Они его разнюхают у тени.

СЦЕНА 11

Кабинет канцелярии. Булгарин — весь внимание.

Дубельт

Как поживает “Северная пчелка”?
До медосбора — целая зима.
Люблю “Пчелу”, не веря кривотолкам,
Не орган, а сияние ума.

Давно у нас окрепли узы дружбы,
И вы, и Греч наладили печать.
Домой придешь, забудешь тяжесть службы.
И — весь в нее! А что еще читать?

Набили нам оскомину Вольтеры,
И “общества” утратили престиж.
Мне хочется, чтоб наши офицеры
Поглядывали меньше на Париж.

Булгарин

(громко)

Стараемся!

Булгарин

(про себя)

И врет же, изверг, тонко и толково,
В уздечке держит голубую рать.
Что человек? На дыбу вздернет СЛОВО!
И гласные заставит закричать.

Дубельт

Не правда ли, печать милей и тише
Без прожектерских бредней пятерых?
Но что-то ваша братия... не пишет
О доблести мундиров голубых.

Пора! О нашем воинстве пошире,
Желательны — рассказ или роман.
Хоть штатский вы, но все-таки в мундире:
Поручик — нынче, завтра — капитан.

Булгарин

(про себя, перебирая экземпляры свежей газеты)

Послушаем. Редактор есть редактор.
И “Пчелка” не “Пчела” ему, а “Тля”.
Палач души... Но промолчим для такта,
Во имя государева рубля.

И ем, и пью, и есть на развлеченье,
Зван на обеды, выставлен в кортеж.
Живи! А колесница Отделенья
Мятежных давит. Мне зачем мятеж?

Дубельт

Задумались?

Булгарин

Я... понимаю. Слугами престола
Займется непременно персонал.

В моих руках писательская школа,
Где каждого — я правде обучал.

Научены! Увидите воочью,
Ну, как своих собратьев не беречь,
Когда они глухой, безлунной ночью
Найдут слова, не зажигая свеч!

Сдадут в набор торжественные оды,
Сердечный жар положат на алтарь.
И подлинным защитникам свободы
Не раз окажет милость государь.

Дубельт

Работайте. Хорош ваш "Самозванец".
Высокий штиль. Серьезность. Глубина.
Зря пыжился покойный африканец:
По-разному прочли Карамзина.

Юродивость повсюду в "Годунове",
Прямая пугачевщина в статьях.
И, господи, грозил первооснове —
И был в долгах, как старый пес в репьях.

Булгарин

Бессребреник-с.
У них лихая зависть...
Нас учат и потомство — норовят.
И памятники просят, не стесняясь,
Так-с... Наглецы — от головы до пят.

Дубельт

(про себя)

Вот гуманист — и говорлив, и весел.
С такими не сыграешь в поддавки.
Они уж как повесят — так повесят,
И жертву вниз потянут за носки.

Врозь разведут — для большего эстетства,
Окинут оком — ровно или нет.
И — нет литературного наследства,
А если есть — один его макет.

Дубельт

(вслух)

Да кто поставит памятник? В уме ли?
В России нет финансовых глупцов.
Ну, разве что одесские мамзели,
Но все шкатулки запер Воронцов.

Мы были у глашатая народа,
Все чаянья держал в своем столе.
Ах, сколько там лирического меда!
Его бы в зиму — "Северной пчеле"!

Булгарин

Читатель был бы очень благодарен,
И вам бы... отписали гонорар.

Дубельт

Неплохо бы-с... Но послан государем.
Не мед его волнует, а нектар.

Булгарин

Счастливец вы! Архивец — прямо в руки!
Над каждым — исчезает ореол.
Служитель муз, иль деятель науки
Для многих — тайна, перед вами — гол.

Дубельт

(улыбаясь)

НАГОЙ, свет Венедиктович! НА-ГОЙ!

СЦЕНА 12

В Зимнем дворце.

Николай I

Не все читать положено потомству.
Итак, бумаги вымарал с лихвой.
И знать не надо нашему холопству,
Что есть еще Сальери и Скупой.

Петр у него не Петр, а Медный Всадник,
Шаржирован державный властелин.
Холеру смяли. Есть еще рассадник...
Но, слава Богу, клином выбит клин.

И вот еще... На службе вы исправны,
Но, чтоб узлом не завязалась нить,
Нельзя ли у Натальи Николавны
На МОЕ ИМЯ что-то испросить?

Я знаю женщин... Это не догадки.
Я вижу их деяния насквозь.
Представьте, что она до опечатки
Изъяла то, что нам не удалось.

Но только тонко, тонко, элегично.
Ранимо сердце в трауре в сто крат.

Бенкендорф

Судьба ее, действительно, трагична,
Мы снимем грусть. У нас надежный штат.

Николай I

Не вздумайте послать туда мужланов!
Над "i" нам точку выставить пора.

Бенкендорф

Я понял вас... Пошлю певца туманов,
Она ему по чувствам, как сестра.
Воспоминанья — без конца и края.
Из юности, из творчества пример...

И за десертом, плача и вздыхая,
Вдова ему откроет секретер.

Николай I

Вы — дипломат. Неплохо бы, ей-Богу!
Троянского коня пускаем в ход?
Как жаль, что не увижу недотрогу
В ближайший бал... Печальный нынче год.

СЦЕНА 13

В кабинете. Окончание осмотра.

Дубельт

Подходит наша миссия к концу.
В бумагах все — и распри, и раздоры.
Но отчего-то, видел по лицу,
Взволнован Александр Христофорыч...

Жуковский

Быть может, граф от зоркости ослаб,
Ведь под охраной — только ли Россия...

Дубельт

Хворь не берет! Живуч, как баобаб.
В Санкт-Петербурге — корни золотые.

Жуковский

Вы думаете: рукописи есть?
Да что вы? Море слез, долги и дети.
Великое убийство перенесть
Не пожелаю недругу на свете.

Дубельт

А кто желает? Сам тому не рад:
Всю жизнь за маскарадом маскарад.
Вы — сочинитель, я вот... генерал.

Нам чай бы пить. Да царь сюда послал!
ПОСЛАЛ-С!

Жуковский

Не трогайте вдову. Я вас молю!
Весь Пушкин здесь — от смерти до лицея.
Я сам ее за что-то не люблю.
Эх, красота... Да полно, ангел с нею.

Погиб поэт. Велик он или мал —
История подскажет нам под старость.
И тот, кто часть трудов его забрал,
Возможно, для других готовит радость.

Киргиз ли это будет, эскимос,
Или араб под знаком Зодиака...
Поэт всегда исследовал ВОПРОС,
Чураясь восклицательного знака.

К мундиру... звезд не раздобыл поэт,
Не дорожил сановною любовью.
Печаль — беззвездна, правда — сеет свет,
За них пришлось расплачиваться кровью.

И в этом я навеки поражен,
Я, воинство воспевший и парады.
А он почти с младенческих времен
Уже смотрел сквозь пальцы на награды.

Дубельт

Василь Андреич! Вас не узнаю.
На днях вы в кабинет войти робели.

Жуковский

Робел... Робел... Я чувства не таю...

Дубельт

Ну, полноте. Вон щеки заблестели.

Жуковский

Я... у его... бессмертия стою.
И счастлив я, что был у колыбели.

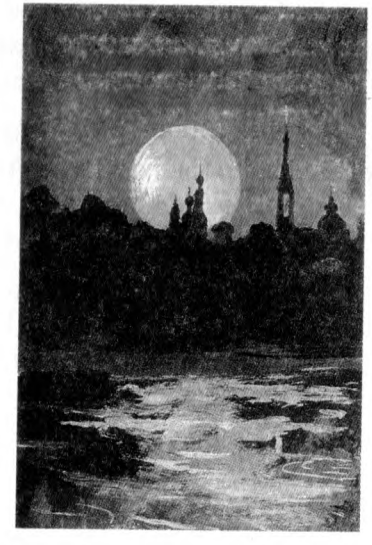
Расширится его псковской уют.
Весь мир ему откроется со взгорья.
И улыбнется кот у лукоморья,
Когда певца из бронзы отольют.

Вот видите... На сердце отлегло.
Но я вас не оставлю без ответа:
Отечество нам... Царское Село,
А у него Отечество — ПЛАНЕТА.

И не в Дантеса он стрелял.
Не жгла так больно честь мундира.
Самодержавье наповал
Хотел сразить романтик мира.

За тот декабрь, за тот июль,
За петлю ту, что дух сжимала,
Чтоб Русь без виселиц и пуль
ГЛАГОЛОМ нации сближала.

Заря сквозь сумерки



Мы все под Шапкой Мономаха
Живем под страхом и без страха.
Но страшно, что во всех веках
Сам человек — рождает страх.

* * *

Февраль. Сугробисто и мглисто.
В Святых Горах встает заря.
Мятежника и атеиста
Кладут у стен монастыря.

Поближе к милому пределу,
Печальны вещие слова...
Тяжелый пласт положен телу,
Душа свободная жива!

И расшибать ей лбы додоньи,
Клеймить расхристанный Синод,
Чтоб восседал народ на троне,
А не безмолвствовал народ.

У дядьки слезы закипают:
— Прими загубленного, мать...
Могил жандармы не копают,
Но указуют — где копать.

* * *

И зачем эта Черная речка,
Разделившая надвое мир?
Почему не случилась осечка,
Промахнулся б ты — светский кумир!

Где тот доктор в эпоху прогресса?
До сих пор, что ль, его не нашли?
...Ядовитая пуля Дантеса
Глубоко сидит в теле Земли.

* * *

К золотой мечте своей
Шел я через годы.
Здравствуй, Пушкинский лицей, —
Уголок свободы!

...Вот гусиное перо.
Как оно скрипело!
К обездоленным добро
Искрами летело...

День брожу я... И во мгле
Не проходят чары...
Только жаль, что на земле
Есть еще анчары.

* * *

На синеве Тригорского пруда
Мерцает робко ранняя звезда.
У камыша — лучиста и светла,
Луна кувшинкой желтой расцвела.

Стоим мы у "Онегинской скамьи",
Где промелькнула целая эпоха.
И так волнуют душу соловьи,
Что мы боимся собственного вздоха.

* * *

Александру Исаевичу Солженицыну

Сова, сова... Загадочная птица.
Взлетает — тишь. На ветку сядет — тишь.
Секунда — и уже не шевелится
В комочек серый сдавленная мышь.

Замеченную жертву лес не спрячет:
Ни ясень, ни береза, ни лоза...
Сова почти не знает неудачи,
Процеживая ночь через глаза.

А на день, заберясь куда поглуше,
Довольствуясь врожденной слепотой,
На шорохи настраивает уши,
Чтоб ночью знать, где дышит мир живой.

1968

* * *

Долговаты были сборы,
Наконец передо мной
Казематы и соборы,
Отраженные Невой.

Захожу и в те, и в эти,
Каземат — бросает в дрожь.
Вспоминаю о поэте:
Гений был сюда не вхож.

Не пускали. И не надо.
Правы царь и генерал.
Все равно он острым взглядом
Эти стены разрезал.

Узник виделся клейменый,
Клещи, дыба и топор.
И, от боли отрешенный,
Всепрощающий собор.

Аисты в Тригорском

Им хорошо, прилетным аистам,
Как в зеркало, глядятся в пруд.
Целуются и не стесняются
И аистят с собой возьмут.

Они давно округу вызнали
От лягушонка до малька...
Но вдохновение капризное —
Несет поэта в облака.

Ему бы здесь остаться надолго,
Уйти в любовь, как в сладкий сон.
Да на душе то град, то радуга,
И строг не в меру Аполлон.

Он не расспросит об усталости,
Ему печаль отдай и смех...
К чему им видеть, мирным аистам,
На Черной речке красный снег.

...Здесь тишина, как в неизвестности,
Я целый день в былом хожу.
И на Тригорские окрестности
Через трагедию гляжу.

* * *

В этом городе высоком
Жизнь вставала на ребро.
После Пушкина и Блока
Стыдно браться за перо.

Ну а если, будь любезен,
Страстью творческой горишь,
Покажи его в разрезе,
Как показан был Париж.

От вельможи и до хама,
Смену дат и смену лиц.
Среди золота и хлама
Скрыты тысячи страниц.

Отыщи свою страницу,
Протяни живую нить,
Чтобы бывшую столицу
Не белить и не чернить.

Эти опыты полезны,
Слог правдивей и ясней.
...Ночи белые известны,
Нужен автор белых дней.

* * *

Невы разнузданная сила,
Крутые волны торопя,
Ночами в город заходила,
Невинных жителей топя.

А те, что выше этажами,
Спиною чуя мощь воды,
Молились истово, дрожали
В часы нахлынувшей беды.

Когда в размытые трущобы
Селилась снова голытьба,
Страх пережившие особы
Слуг посылали в погреба.

Шампанским пенилась свобода,
Блестело золотом шитье.
Бокал — за мужество народа
И два — за мужество свое!

* * *

В постели взяты фавориты,
Уже с фельдъегерем в ночи.
А те, что были позабыты,
Торчат у трона, как сычи.

Все ждут высоких назначений,
И каждый в пол на четверть врос,
Ведь нету слаще награждений —
За лесть, убийство и донос.

Решенье царь выносит быстро
Державным росчерком пера:
На ухо туг — в премьер-министры,
Туп на язык — в профессора.

Так за фигурою фигура —
В иерархический синклит.
Под топором — литература,
Театр юродивым юлит.

И вместо музыки — музы́ка,
Мундирный блеск и звон щита.
Исчезли лица — кроме лика
Царя и скорбного Христа.

* * *

Иду по Невскому проспекту,
Весь город смотрится в Неву,
Я так рад солнечному свету,
Что в мысли классиков зову.

Быть может, здесь — блаженство мира,
От счастья — кругом голова.
И, может, пушкинская лира
В двадцатом веке не права?

Нет бледной Сони на панели,
Раскольников убрал топор.
И декабристов в черном теле
Уже не держит прокурор.

Как знать, быть может и быть может,
Красив предпраздничный наряд.
Но ощущаю я на коже
Колючий гоголевский взгляд.

Он, словно шпиль Адмиралтейства,
И откровеньем вводит в дрожь:
Мол, не шалей от ротозейства,
Так до Поприщина дойдешь.

Смотри, что скрыто под гранитом,
Как обошелся он Руси...
И в этом граде знаменитом
Незнаменитых воскреси.

* * *

У надгробья Петра пламенеют тюльпаны,
Белых роз не приносят усопшим царям.
Значит, в красных тюльпанах —
величье и раны,
Благодарность потомков за окна к морям.

Ну а где-то в глубинке, на сельском погосте,
В спрессовавшейся глине седого бугра
Отпечатались четко такие же кости
Отпахавшего тезки Большого Петра.

До тюльпанов ли здесь — одуванчики редки,
Беспризорно бушуют полынь да пырей.
...Но, должно быть, довольны клейменые предки,
Что ушли на покой от вельмож и царей.

* * *

В глаза плебейски глядя господину,
Прося побольше хлеба, чем свобод,
Не раз, не два сгибал в поклоне спину
Казнимый и затравленный народ.

То в дружбе, то в разладе с тиранией,
За двойственность свою страдая сам,
Идет он то долиной, то пустыней
И редко — как Спаситель — по водам.

* * *

До радуги — почти рукой подать,
От радуги светлее лес еловый,
Глухой овраг, где дна не увидать,
И озеро, лежащее подковой.

Она минуты даже не цвела,
Застенчиво сквозь синеву алела.
Потом ушла внезапно, как взошла,
А старая земля — помолодела.

* * *

Мне говорил когда-то прадед
(Над ним сирень уже цветет):
— Не подходи с уздечкой к правде,
Она, как лошадь, задом бьет.

И, если всадника почуя,
Она взметнется на дыбки,
Впивайся в гриву смоляную —
Пускай белеют кулаки...

Ну, что сказать? Совет хороший:
И не заешь, и не запьешь...
Но страшен тот, кто бьет в ладоши,
Когда конем танцует ложь.

Ирония судьбы

"Все куплю", — сказало злато.
А.С. Пушкин

Чего не бывает на свете!
Где замысел этот возник?
Сам Пушкин на звонкой монете —
Бессребреник и должник.

Поэт над собою смеется:
— Ай, Пушкин, да как же ты мог
Взобраться на белое солнце
От пыльных и грязных дорог!

...Есть слава — великая слава,
Не надо искусственных слав,
Чтоб терли и слева, и справа,
Лицо его в пальцах зажав.

Какая тут мысль о свободе,
Пророк угодил на рубли.
И память о денежной моде
Хранят нумизматы Земли.

* * *

Невыразима скорбь людская,
Она идет из давних лет:
В Санкт-Петербурге — спит Ланская,
В Святых Горах — лежит поэт.

Дорога к ним не позабыта,
И у последней их черты —
Цветы — у черного гранита,
И возле белого — цветы.

Правнук поэта

Григорию Григорьевичу Пушкину

Среди иных воспоминаний
Одно из ярких — ваш приезд:
Как волновались горожане,
Как поднимались с дальних мест,

Чтоб разглядеть, услышать слово,
Жест уловить, черты лица.
ЕГО почувствовать, родного, —
Навек вошедшего в сердца.

Здесь прадед ваш тридцатилетний
Был у Ермолова не зря,
Не орденам молясь и ленте —
Святому духу декабря.

Что отвечал ему военный?
Что штатский выяснить желал?
Но оба были откровенны,
Как в миг возмездия кинжал.

...И ваш был путь отмечен болью,
И по-армейскому тяжел,
Когда по взорванному полю
Вы связь тянули на Орел.

Мы ждем вас вновь, как ветерана,
И помним вещие слова,
Что выше родственного клана —
ЗАРЯ ДУХОВНОГО РОДСТВА.

В Александро-Невской лавре

Водили от могилы нас к могиле,
В глазах уже рябило от могил.
— Где Третье отделеньице зарыли? —
Один турист из области спросил.

И побледнела вдруг экскурсоводка,
Заступники запели вразнобой:
— Вы не волнуйтесь, в нем играет водка.
— В святое место... ходите хмельной!

— Я по утрам не трогаю ни грамма.
Я ноги стер, придя сюда пешком.
Моя наипервейшая программа:
Почтить их не поклоном, а плевком.

Чтоб кости их рассыпались трухою,
Чтоб о гробы разбились черепа.
Пусть зарастет крапивою глухою
Кровавых лиц — кровавая тропа.

И что-то взбунтовалось в человеке,
Потом он как-то сник и побледнел:
— Когда убили Пушкина в том веке,
Я в этом веке целый день ревел.

И вымолвила дамочка: — Бывает...
И кто-то брякнул: — Чокнулся мужик.
И группа ясновидяще-слепая
К надгробьям устремилась напрямик.

И слышались то аханья, то вздохи,
То убыстрялся, то сбавлялся шаг.
...Одна эпоха шла к другой эпохе,
Прошедшая — еще вселяла страх.

Последний рейс

Сигналят "Волги" при обгоне звонко,
Летят привычно с юга и на юг.
И ты ползешь, зеленая трехтонка,
Среди своих сияющих подруг.

— Притормозите! Гляньте мимоходом
На зашаливший мой карданный вал,
Ведь я с того же самого завода,
Бензин не тот, но этот же металл.

Я режу слух ваш скрежетом и скрипом,
И, ежели до базы не дойду,
Вы передайте мастерам "спасибо" —
Жизнь не прошла на холостом ходу!

Не позабыть мне годы огневые,
Под силу был весь перечень преград:
Воронковые ужасы в России
И минный ад берлинских автострад.

...Спасибо мастерам живым и мертвым,
За все спасибо мертвым и живым...
И майский дождь сбегал по мутным стеклам,
Как по щекам, — по стеклам ветровым.

* * *

Ничтожно общество людское,
Когда в нем жгуч инстинкт еды.
Так пьяница во дни запоя
Алкает огненной воды.

Тогда ни бога и ни веры,
До западни заужен мир.
И всюду правит дух пещеры,
А мясо мамонта — кумир.

Отпускник

Ох, эта с якорем кокарда —
Второе солнце для ребят.
И, увеличивая радость,
Погоны золотом горят!

— Какого Дарья воспитала?!
— Теперь на сердце отлегло...
Как за священником, бывало,
Так и за ним идет село.

...А в поздний час на сеновале,
Когда прохлада от реки,
Матросы в памяти вставали,
Как на подлодке — земляки.

В разгар похода боевого,
Суровой вахтенной страды,
Хотелось воздуха родного
Сквозь мощный пласт чужой воды.

И он, рождаясь из тумана,
Пересекал, как лазер, даль,
Пронзая толщу океана,
Саму подлодочную сталь...

И, засыпая на рассвете,
Наш отпускник не знал того,
Что ребятишки в лунном свете
Фуражку мерили его.

Ландыши

Вале

Серебряные крошки-колокольца,
Глядишь, вот-вот от ветра запоют.
И, кажется, их не касалось солнце,
Они по воле собственной цветут.

Любители цветов проходят верхом,
Пускай вокруг бросают липкий взгляд.
А ландыши стоят белее снега
И попадаться в руки не хотят.

* * *

Скрипит паром печально и тоскливо,
Я остаюсь один на берегу.
И не скажу, что ты была красива,
А вот что симпатична — не солгу.

Мне крикнуть бы тебе на всю долину,
С причала на руках бы унести.
Но Млечный Путь над речкой перекинут,
И по нему к тебе не перейти.

Я знаю, боль заглушится с годами,
О ней я не пожалуюсь нигде.
А ты всегда светись перед глазами,
Как лилия на утренней воде.

Подвиг

15 000 мин извлечено
в Пушкинском заповеднике.

Я вам низко кланяюсь, саперы,
Щупом бороздившие поля.
Вы явились в Пушкинские Горы,
И — помолодела вся земля!

Вы спасли всемирную святыню,
Потеряв товарищей в пути.
Но покуда будет тирания —
Вам с миноискателем идти.

Чтоб везде дорогу дать поэту,
Чтоб не рвали изверги строку...
Верю: разминировать планету
Вам еще придется на веку.

* * *

Какие б ни кипели страсти,
Каким бы ни был вихрь идей,
Стареют в коридорах власти
Вожди и прихвостни вождей.

Жиреют в загородных дачах,
Плетут искусно сеть интриг.
Но старость не переиначить,
Он неизбежен — смертный миг.

Предстанут, нет ли перед богом,
Но, уходя в иную стать,
Державно-мощным некрологом
Страну стремятся запугать.

И скажет женщина седая,
Познавшая и глад, и страх:
— Простит господь... Я не прощаю!
Стоймя стоять бы им в гробах!

Исчезновение стыда

Она глядит глаза в глаза
И будет так глядеть — минуту.
Была девчонка-егоза,
Сегодня — ей подай валюту.

Надменно-вычурно-горда,
Вся от прически до сандалий.
...А мы сгорали от стыда,
Когда касались ниже талий.

Оркестр играл "Цветущий май",
Иль танго южное звучало,
Груди коснешься невзначай —
Мгновенно сердце замирало.

Мы уходили в лунный свет,
А щеки ярче пламенели.
Давали крылья с юных лет
Нам карусели и качели.

Не очернятся те года
Чрезмерной наглостью и шиком.
Исчезновение стыда —
Прореха в таинстве великом.

Страда

Она всегда необычайна,
Роднит и юных, и седых.
И красным звездам на комбайнах
Гореть при свете голубых.

И, как пружина, время сжато:
Часы, спидометр — всюду счет.
А за рекою элеватор
И ухом вроде не ведет.

Но это — ложная примета,
Вся суть его не на виду:
Он, как гигантский улей лета,
Гудит без умолку в страду.

Он вечно жадными глазами
Глядит в бескрайние поля,
Где щедро горбится скирдами
В июльском мареве земля.

И жаждет солнечной погоды,
Напоминая за версту,
Что на планете есть народы,
Где крошка хлеба на счету.

Старые игрушки

Ох, до чего же мудр народ,
В игрушке — чародей!
Как день базарный подойдет —
Всю душу для детей.

Умелец был — не трын-трава,
И дело знал, и речь.
Не продавалась булава,
Не продавался меч.

А был на ниточке циркач,
И зайцы-кузнецы.
Тут хочешь радуйся, хоть плачь —
Тряси карман, отцы.

Пел соловьем свисток при всех,
В кружок звала дуда.
Героем Юмор был и Смех,
А Ужас — никогда.

Хотя все было за спиной:
И немец, и монгол,
Цусима с красною водой
И прочий произвол.

— Коняга — грош, матрешка — грош, —
Кричал иной старик.
— Играй, малыш, а подрастешь —
Дадут бесплатно штык.

Ох, до чего же мудр народ:
Не озлоблял игру!
В голодный год и в хлебный год
Детей учил ДОБРУ.

Горячий пепел

Я снял вспотевшие очки,
Душа волнением объята:
Молчит деревня Колпачки,
Довольно шумная когда-то.

Ты смерть достойно приняла,
Высоким пламенем пылала,
За то, что раненых спасла
И партизанам кров давала.

Горячий пепел, не остынь!
Пусть рад был враг в хмельном азарте...
Как Орадур и как Хатынь —
Будь в нашем сердце и на карте.

Надгробья-камни
вместо хат,
Взамен деревни убиенной
Пусть вечной скорбью охладят
Завоевателей Вселенной.

* * *

Спускаюсь вниз за соловьиной трелью.
Чем гуще чаща — тоньше аромат.
В овраге темном, за невзрачной елью,
Через ручей жердиночки лежат.

Перескочу, замру от удивленья.
А после вспомню, выйдя в ярость дня,
Что кто-то в соловьиные владенья
Две белых жерди кинул до меня.

Юность

На вешний пруд мы прибегали первыми,
Чтоб там росу никто не смел толочь.
И пахла распустившимися вербами
Еще неустоявшаяся ночь.

Ты нарушала тишину сторожкую,
Мне этих слов не позабыть нигде:
— Смотри, как месяц золотой сережкою
На голубой качается воде!

От счастья мы летали над тропинками,
Цветы не рвали, — сами, как цветы.
И в знак свиданий белыми кувшинками
Всходили наши светлые мечты.

* * *

Задыхаюсь, не выскажу нужного слова.
В щеки кровь прилила горячее огня.
Я сегодня во сне увидал тебя снова —
И прекраснее нет никого у меня.

Ты ко мне по росе за околицу вышла,
Протянула доверчиво руки свои.
Трель выводит лозняк. Рядом щелкнула вишня —
Нас заводят в тупик колдуны-соловьи.

Наклоняюсь к тебе. Губы жаром объяты.
Ты трепещешь и голову клонишь назад.
Еще миг, еще миг — и со мной навсегда ты,
Но ты ласточкой мчишься в голубеющий сад.

Больше нет тишины. Гулко сердце колотится.
В этом сказочном мире мы с тобою одни.
И до каждого нерва. До каждой кровинки доносится:
— Догони! — Догони!! — Догони!!!

...Открываю глаза. Лунный свет на кровати.
Потихоньку встаю — не заснуть мне уже.
А жена говорит: "Что ты бродишь, лунатик?"
Но поймет ли она, что не здесь я в душе.

Я не знаю, каким ты сосватана молодцем.
Как живешь ты, не знаю: в раю иль в аду.
Неужели забыла соловьев за околицей
И огонь наших губ в предрассветном саду?

* * *

Сенокос начинается с вечера,
Когда нет еще россыпи рос.
И мелодия слышится вечная —
Перезвон отбиваемых кос.

Сразу меркнут все звуки привычные:
Рев буренок да скрип журавля...
И тиха в это время обычное
Разомлевшая за день земля.

Ну а завтра, зарею веселою
Ослепляя бывалых косцов,
Упадет разнотравье тяжелое
На немнущийся ежик лугов.

Пусть хрустит оно сухо под вилами
И ложится в тугие скирды,
Лишь бы небо дождями и ливнями
Зачеркнуть не успело труды.

По чернотропу

Юрию Михайловичу Выходову

Как бы искрит стерня сухая
Под быстрым натиском собак.
Боками пашню освещая,
С межи срывается русак.

Седой, двенадцатифунтовый,
Он сразу взял наискосок.
Ему б теперь в полуверстовый,
Осиной пахнущий лесок.

Слепому страху зверь послушен,
Какая в беге быстрота!
И страх вытягивает уши
Почти до самого хвоста.

Я вслед пронзительной атаке
Беру навскидку дробовик,
Но возвращаются собаки,
Устало высунув язык...

Петляет заяц по чащобе,
Мое ружье зачехлено.
Пройти клыки и осыпь дроби
Еще не каждому дано.

Живи и радуйся, матерый,
И в лунь, и в темь топчи снега:
Твои — озимые просторы,
Твои — окрестные стога!

* * *

Деревня спит. Кому-то снится бог,
Кому-то — поцелуй, кому-то — слезы,
Кому-то — даль нехоженых дорог,
Кому-то — деньги, а кому-то — грозы.

А вы мне говорите: — Тишина
Спадает на закрытые ресницы...
Пока Земля Землей наречена —
Покоя и во сне не будет сниться.

* * *

Озера тоскуют по уткам,
Душа не лежит к ноябрю.
Им просто становится жутко,
Едва лишь проводят зарю.

Знобит их от звездного света,
И мучает рябь по утрам...
А утки в Атлантике где-то,
Как будто их родина там.

Речка

Сыну Сергею

Лопочет свое —
Воробью по колено.
Кустарник ее
Не пускает из плена.

Но в эти излуки,
Где ивовый шелест,
Пудовые щуки
Заходят на нерест.

* * *

Наклонилась Большая Медведица
Над сверкающим лунным прудом,
Словно хочет, что даже не верится,
Расплескать его воду ковшом.

* * *

А вот и март, сердца тревожа,
Ударил волнами тепла.
И сразу зимняя одежа
В дороге стала тяжела.

Дурманит тополь, манит речка,
Легко и весело в пути.
И от родимого крылечка
Подальше хочется уйти.

Полям прозревшим поклониться,
Увидеть первого грача
И до беспамятства влюбиться
В свободу вешнего луча.

* * *

Не завидуй цветению розы,
Лишь бутоны появятся — рвут.
И не сок выступает, а слезы
Ради чьих-то веселых минут.

Красоту пересилила сила.
Надломила ей оба крыла.
И колючая роза забыла,
Что с шипами когда-то росла.

Из цикла “Соловецкие острова”

Северная ночь

Дмитрию Сергеевичу Лихачеву

Ни прохожего, ни скрипа.
Месяц ежится с тоски.
Спят в снегу, что за ночь выпал,
Петербург и Соловки.

Петербург — столица света,
Соловки — столица тьмы...
Нет красивее букета —
Вот где собраны умы!

Но покуда ночь над ними,
Под покровом тишины
Арестанты со святыми
Видят праведные сны.

Палач

Он сегодня — не на Лобном,
Принял баньку — жизнь легка.
И хозяйка с ликом томным
Разносолит муженька.

Под жирком алеет семга.
Как смородинка — икра.
— И тебе с устатку, Сема,
Ковшик браги бы пора.

Выпил два. Рассыпал клюкву.
Давит ягоды ногой.
— Вон из горницы, пристукну!
Сам от клюквы — кровяной.

— Приостынь, чо пол молотишь!
Перегрелася душа?
Ты ж ее, красу болотищ,
Ел горстьми посля ковша!

Стены — красные от сока.
Буйству здесь не прекословь.
Это мучает жестоко
Палача чужая кровь.

Соловецкая молодка

Не жила в острожном страхе
Дарья — общая жена.
И солдаты, и монахи
Доверялись ей сполна.

Говорили часто люди,
Этим баба и жила:
— Грудью мертвого разбудит.
— Груди, что колокола.

Соловецкая молодка
Обвивала, словно хмель.
Высоко ценилась водка,
Выше — Дарьина постель.

Конный к ней спешил и пеший,
И, сгорая от страстей,
Сверхсекретные депеши
Раскрывались перед ней.

Гость подвыпивший, случайный
Пил за Дарью, пил за Русь.
И секретики, и тайны
Дарья знала наизусть.

Все шутила: — Не застрелишь!
Все шептала: — Не крестись...
Оказался на постели —
Веселее шевелись.

Так порою озадачит,
Мигом кровь заледенит.

Говорят, с ней неудачу
Потерпел архимандрит.

Погуляла, порезвилась,
А потом прошла молва:
Ночью в прорубь оступилась
Накануне Рождества.

Часть мужская повздыхала,
Бабий мир ворчал всерьез:
— Хороша, да много знала,
Бог и вовремя унес.

Бог унес, сама ль решилась,
Или кто-нибудь толкнул...
Море тайну сохранило,
Бросил поиск караул.

Соловецкая молодка —
Кратковременный успех.
Высоко ценилась водка,
Выше водки — сладкий грех.

После допроса

Обреченный, как в красной рубахе,
Только выслушав свист батогов,
Не лежит, а стоит в саркофаге
Из холодных, сырых валунов.

Он о выступ замшелый оперся,
Камень тянет остатки тепла,
С обнаженного мощного торса
Клочковатая кожа сошла.

Надо б лечь на живот бедолаге,
Но цепями треножит тюрьма
За великую тягу к бумаге,
За враждебную ясность ума.

Доживет до рассвета он, нет ли?
Не изменит бунтарской судьбе?
Или будет затягивать петли
За похлебку — подобным себе?

* * *

Затерялся в море остров,
В живописнейших местах.
Весь фундамент из доносов,
Весь фундамент на костях.

Ничего, живет и дышит,
При ружье и при кресте.
Красной ниткою не вышит,
Не означен на холсте.

Ловит рыбу, топит печи,
Зелье пробует нутром.
Укорачивает речи
То веревкой, то кнутом.

Где прикладом, где щипцами,
Где рытьем сырой земли.
Дескать, сами мы с усами —
Шли бы чаще корабли.

Разведем господ под крыши,
Пусть грызут себя жиды.
Нам бы жалованье выше
За усердные труды.

* * *

Ни пера, ни чернил, ни бумаги.
Отлучен от родных и от шпаги.

Вылезают глаза из орбит:
— Почему я в бою не убит?!

Утром стража доложит: — Подох.
Под ногтями у юноши — мох.

Пусть в безумстве, но вынес корнет
Мох темницы на солнечный свет.

Чтобы мягкость кровавого мха
Обвинила в злодействе верха.

* * *

Меж стволами подросших осинок,
Там, где ветки стремятся взлететь,
В бриллиантах мельчайших росинок
Паутинная светится сеть.

Для незоркого глаза — картина,
А для острых очей — западня.
Тяжела чья-то будет кончина
В красоте восходящего дня.

Милость

Засекречен, а попросту — умер
Для семьи, для друзей и врагов.
У прибывшего — лично игумен
Проверяет надежность оков.

— Эх, гвардеец, боялся б ты бога,
Беломорской водой бы не плыл.
Генеральская б вышла дорога,
Золотую бы саблю носил.

А теперь — на водице и хлебе,
Не ропщи на положенный срок...
И, как память о ласковом небе,
Потолок над тобой, потолок.

Помолись о господней защите,
Кулаками по камню не бей.
Ну-ка, ржавые цепи снимите,
Новичку дайте их поновей.

Слепцы

Ослепленные не ропщут,
Правда выжжена в душе.
Даже хлеб берут на ощупь,
Дуют на воду в ковше.

Что для них зима и лето,
Страх застыл на дне глазниц.
Позабыла силу света
Кожа рук и кожа лиц.

Государственное дело:
Враг престола — враг вдвойне.
С ними стража поседела,
Что ей знать о седине?

Вволю спит, бузит за чаркой,
Гложет птицу в мясоед.
Но, видать, собрата жалко,
По губернии — сосед.

Ослепленные не ропщут
И в предвиденье конца
Даже хлеб берут на ощупь
У охранника-слепца.

Тихая обитель

Всплеск не слышен в водах сонных,
Чайки нагло не галдят.
Как глаза приговоренных,
Звезды душу тяготят.

В стенах — тайны Петербурга,
Белокаменной Москвы.
Заточен ослушник с юга —
Атаман без булавы.

В крупном деле — не до пешек,
Брался мудрый человек.
...Этот каменный орешек
Не разгрыз двадцатый век.

Рисунок

Прибежал почтальон-торопыжка,
Улыбается: — Жду гопака!
Свой рисунок прислал мне сынишка
Под названием “Дом лесника”.

Возле дома — мохнатые ели
И сугробы до самых небес...
Пап, смотри, чтобы волки не съели,
По ночам не ходи через лес...

Ах, мой сын, погляди-ка пошире:
Волк-разбойник не так уж и лют —
Леопарды свирепствуют в мире,
Человечеству жить не дают.

Нападают и справа, и слева,
Семьи, нации рвут на куски.
И в распахнутой пасти до зева
Что там зубы — сплошные клыки.

Как лоснится пятнистая шерстка,
Сколько жадности в хищном броске!
Пожирателей нервов и мозга
На особом содержат пайке.

Пахнет бешенством эта примета,
Но на зверя — отыщут стрелка.
И я верю, что будет планета
Хлебосольна, как дом лесника.

Птицелов

Он был чарующим артистом:
Свист птиц цитировал точь-в-точь.
Я даже сам несмелым свистом
Солисту вызвался помочь.

— Не представляю жизнь иначе:
Травлю пудами коноплю.
В лесу их меньше, чем на даче...
Скажи, что птиц я не люблю!

И, слыша звон в цветущих ветках,
Стремясь на свет из полумглы,
Перо теряя, бились в клетках
Чижи, зарянки и щеглы.

Из елей хмурых и разлатых
Смотрел мне в спину особняк.
И думал я, что мир пернатых
Поет свободней натощак.

* * *

Автомат, пистолетик, танкетки,
Ни скакалку, ни мяч, ни гармонь —
Принимают подарочки детки,
И стволы — извергают огонь.

Батарейный. Невинный покуда.
День и ночь — тра-та-та, тра-тата!
Я бы взрослым за это вот чудо
Откровенно бы всыпал кнута.

На прохожих наводятся дула,
Дула тычутся в мать и в отца.
Как война глубоко заглянула
В хрупкий мир малыша и юнца!

Люди глохнут от бомб и от пушек,
Мир израненный ждет тишины.
Я прошу в царство детских игрушек
Не вводить атрибуты войны.

* * *

Сегодня друзья не точные,
Нет розовости стыда.
Они, как часы песочные,
Короче: туда-сюда.

Таких побыстрей сторонишься,
А если в их круг попал,
Ты сам хуже их становишься,
Как киплинговский шакал.

Кого-то прельщают промыслы,
Вилянье вокруг стола...
Мне с другом делить бы помыслы
И вкладывать их в дела.

Но друг не поверил в радугу,
Дороже стал цвет тельца...
Значит, кому-то на руку
Полюсовать сердца.

* * *

Ночь не боится
Крика петухов.
Идет себе,
Роняя звезды тихо,
То в белый пар
Некошеных лугов,
То в белую
Цветущую гречиху.

Идет —
От полнолуния светла
Предшественница
Алого рассвета...

Не верится,
Что кто-то хочет зла,
Что где-то начеку
Стоит ракета.

* * *

В стране ввели бронежилеты,
Вошел патруль в преступный мир.
Не обманули б нас газеты,
Не обманул бы нас эфир.

Не стерлись в памяти оспины,
Конвой, овчарки, трибунал...
Неужто люд подставит спины
Опять под новый пьедестал?

* * *

Превратилась эстрада
в сплошное почти обезьянство.
Инструменты ансамбля
надсадно и дико визжат.
И откормленный диктор
нам рай обещает без пьянства,
И реклама наглеет
при помощи ножек девчат.

Кто же дергает ниточку
этого модного шоу?
Вроде все по уму,
ну а в сущности — все без ума.
И глазеет страна,
потянувшись к чему-то святому,
Только мало святого
приходит с экрана в дома.

До чего же ловки
кулинары пустого искусства
И кондитеры времени,
льющие в тесто сироп.
Почему из сердец
вы стараетесь вытравить чувства
И народ приуставший
под шпорами двинуть в галоп?

Он и так на рысях
от того знаменитого года,

На боках его впалых
кровавые меты стремян.
Я хочу одного:
чтоб не стала ловушкой свобода,
Чтоб наездник лихой
на него не набросил аркан.

Береза в бору

В мороз несносно колкий,
И в ливень, и в жару
Вонзаются иголки
В белесую кору.

И тает, словно свечка,
Меж бронзовых стволов,
А ей бы — дол у речки
Да бой перепелов.

Стоять в густом тумане,
Прослушивать простор...
Когда ее не станет,
Осиротеет бор.

* * *

Когда ко мне приходит радость,
Я тороплюсь о ней сказать
Кому и надо, и не надо,
Она — как свет — учила мать.

И материнское присловье,
Как будто исповедь моя,
Хотя уже немало крови
Мне перепортили друзья.

То оборвут на полуслове,
То укоротят взглядом смех...
И я уйду, насупив брови, —
Мне о с в е т и т ь хотелось всех.

* * *

Не любит правда пышной фразы,
Чужда ей прыткость испокон.
И не вместишь ее в указы,
И не вобьешь ее в закон.

Неукротимая, как Волга,
Как Ганг и Нил...
Ей дай простор!

И не беда, что зреет долго —
Зато весомей приговор
Всем полуправдам,
Полукривдам,
Премьерам,
Шейхам,
Королям...
Кому-кому,
А ей-то видно,
Кто
Прибирал ее к рукам.

1 Мая 1937 года

Идет демонстрация без суеты,
От ветра полотнища гибки.
Диктатору — дети подносят цветы,
Диктатор — расплылся в улыбке.

Целуют в упругую прочернь усов
И жаждут великого жеста...
А завтра от их матерей и отцов
Останется мокрое место.

Летчик

Рухнул, ни на йоту не солгавший,
Рухнул на цементный ржавый пол,
Небо над Мадридом защищавший,
Крыльями прикрывший Халхин-Гол.

Разве сокол думал о расстреле,
Что врагом в могилу он сойдет?
...Память, как неглохнущий пропеллер,
Втягивает нас в круговорот.

Заградотрядец

1

До чего офицер красив!
На зазнобу глядит влюбленно.
Он вчера пулеметом скосил
Отступающих — полбатальона.

Омских, белгородских, псковских,
Из Ташкента и Ашхабада.
— Прочитай о любви мне стих... —
Томно шепчет его услада.

Он трофейный бекон жует,
И коньяк разливает в кружки,
И не знает лжепатриот,
Что и сам он уже на мушке.

2

Не убили. Остался жив.
Вечным "ухом" считался в штатах.
Выбил внукам "жилой массив",
На Девятое — весь в наградах.

Поучает родных, как жить:
— Не транжирьте, что мы имеем...
А меня прошу положить
Только рядом с архиереем.

* * *

В Берлине по Роммелю траур,
Но вряд ли кто в суть посвящен.
Столица от кнабе до фрау
Застыла у скорбных знамен.

Им выпита горькая чаша,
Прошел африканский восторг.
Ефрейтора — понял фельдмаршал,
Ефрейтор — нажал на курок.

Проверенный мюнхенский принцип,
Он бил не своею рукой.
Так сходят со сцены любимцы,
Любимцы — страшны за спиной.

Не могут быть боги при Боге,
Годами твердила печать.
Любимцев сметают с дороги,
Когда начинают мешать.

И почестей пышных не жалко,
Пусть зрит ослепленный народ
Фанфары и блеск катафалка,
Героя печальный "уход".

Новые гунны

Ну вот и кончилась тетрадь,
Закрыт последний лист.
А что я людям мог сказать,
Поскольку — реалист?

Кому теперь поднимешь дух
На рубеже эпох?
Наш обыватель ест за двух,
А кое-где — за трех.

Желудок думает за нас,
На шмотки стравлен ум.
Подай мясца, подай колбас —
Освободи от дум.

Нам надо сразу все иметь,
Нас бомбой не убьешь.
И лучше сытым умереть —
Скорее в рай придешь.

Уже и мать готовы съесть,
Тем более отца.
Хватают золото и медь,
Сберкнижку мертвеца.

Талмуд для них? Да что Талмуд!
Коран? Да что Коран!
Они по Библии идут!
По совести всех стран!

* * *

Александру Ивановичу Наумову

О, гороскопы, гороскопы,
Вы то отрада, то тоска.
Войска выводят из Европы,
А на Востоке — вновь войска.

И все религии на взводе,
И пресса вся — сплошной скулеж.
Кого спросить: в каком народе
Так ненавидят молодежь?

Её высаживают скопом
На минном поле, под снаряд.
Стратеги войн — за перископом
Или из бункеров следят.

Что материнские им слезы,
Костями хочется хрустеть.
Для них что пальмы, что березы —
Все цель — что церковь, что мечеть.

И диктатуры не случайны,
Они не только бьют штыком...
Гороскопические тайны —
Наркотик в хаосе земном.

И не спасают Козероги,
Не свет гуманнейших идей.
И безучастно смотрят боги
На властелинов всех мастей.

Какого ждать еще нам века,
Как человек от войн устал!
И почему за человека
Разумный хищник правит бал?!

Предзимье

Вновь ракиты, как рогульки,
Звон исходит от земли.
Утром первые сосульки
У колодца наросли.

Почему-то с неохотой
В воду лезет журавель.
Начинается работа —
В печь пошла сосна и ель.

Дым встает пахуч и вкусен,
Вьется, гнется на ветру.
И живым сугробом гуси
Жмутся к каждому двору.

* * *

Ты музыкантом был рожден,
Знал с колыбели ноты.
Я помню твой аккордеон,
И танго, и фокстроты.

Не раз к тебе солдаты шли,
Уставшие в дорогах.
И лица пыльные цвели
И в шрамах, и в ожогах.

И клавиш черно-белый ритм,
Как радость и печали.
И многие про Риорит,
Про матерей вздыхали.

Просил “Шаланды” паренек,
А “Яблочко” — матросы.
Ну, а девчата — “Огонек”,
Когда сверкали росы...

Промчались трудные года,
И нынче нелегко нам,
Но, как и прежде, молода
Душа аккордеона.

* * *

1

Кинохроника. Юность века.
Поле боя. В снегу стрелок.
У погибшего человека
Выгрызает собака бок.

2

Зрелость века. Войны изнанка.
И солдатские черепа
Глуховато трещат под танком,
Как ореховая скорлупа.

3

Мудрость века. Но вновь руины.
В прах сметаются города.
Дети, женщины и мужчины —
Отправляются в никуда.

4

Старость века. Какой ты будешь?
Мракобесие или свет?
Неужели исчезнут люди
В ненасытном нутре ракет?!

Военкоматы

Они всегда стоят в сторонке,
В глубинке или за углом.
И ордена, и похоронки
Идут отсюда в каждый дом.

Крепки решетчатые окна,
Немногословен малый штат.
Здесь документы не подмокнут,
Здесь документы не сгорят.

По кабинетам — чинно, строго.
И, если беды над страной,
Вмиг маршала и рядового
Объединят в сплоченный строй.

Они и в ад пошлют и в пекло,
А после смерти наградят.
Россия, как ты не ослепла
От слез за стриженых ребят?!

За ними следом шли невесты,
Надев не туфли — сапоги.
На извещенья, на повестки
Ушло, пожалуй, полтайги.

С годами стены не ослабли,
Им факты новые дает
С небес — космический кораблик,
Со дна морей — подводный флот.

Открытое письмо

Здравствуй, “Холопская правда”,
Здравствуй, “Холопский журнал”.
Если б не ложь с динозавра —
Век бы я вам не писал.

Вашему вою внимаю:
Хочется вкусно пожить...
Волчью голодную стаю
Должен подписчик кормить?

Где ж вы набрались отваги,
Как перешли вы на рык,
При дорожайшей бумаге
Так обесценив язык?

Бросьте надежду, редактор,
Ваши клыки — не перо,
Если г о с п о д с к а я правда
Держит и вас за нутро.

* * *

Год пройдет, промчатся десять,
Но забыть не хватит сил,
Как за куст цеплялся месяц,
В воду теплую входил.

Как из ближней деревушки,
Не кудряв и не речист,
В тишину ронял частушки
Запоздавший гармонист.

Звонко радовались кнопки,
Так мелодия лилась,
Даже пыль на влажной тропке
В пляску чуть не поднялась.

Я стоял в тени деревьев,
Не спешил на сеновал.
Мне бы тоже в ту деревню,
Где тот парень побывал!

И каким бы тусклым светом
Не грозили мне года,
Той игры перед рассветом
Не забуду никогда!

* * *

Блеснет — и отдана в солдаты,
Бунтует — взята на учет.
Пытливой мысли — казематы,
Пытливой мысли — эшафот.

Ежеминутно, ежечасно
Над нею кружит воронье.
И потому она опасна
Всем, не имеющим ее.

Монолог бывшего заключенного

Старорежимцы с мордами бульдогов,
Придет конец чудовищной “лафе”.
Вы просите под бременем налогов
Наган и красный кант на галифе.

Папаши и откормленные детки,
Входившие и вхожие во власть,
Как жаждете вы вновь нажать гашетки
И только чтоб — в затылочную часть.

От вас тряслись и в центре, и в Игарке,
От ваших дел в крови еще земля.
Матерые немецкие овчарки
Перед оскалом вашим — пуделя.

Планету не держать вам под конвоем,
На мысль не навести прожектора...
Мы вас, как нечисть страшную, зароем
И глубоко — до самого ядра.

Мольба

Люблю отчизну я, но странною любовью!

М. Лермонтов

Прав Лермонтов! Есть странная любовь:
Россия индустрийно-деревенская
Бананы ест, а всюду льется кровь —
Абхазская, таджикская, чеченская.

И недоросли сели за рули,
Перегрузив дороги иномарками,
Как будто бы они пупы земли —
С валютою и теннисками яркими.

А где-то внучка бабку — топором,
А пьяный хлюст загнал комбайн в болотину.
Премьера бы иного сечь кнутом,
Что в банк швейцарский заложил бы родину.

Скажите мне, кто пойман на аркан,
Куда ведет экстаз эротосмелости,
Когда девичья грудь во весь экран,
А вместе с тем и все девичьи прелести.

О Господи! О Родина моя,
Где дедушку не знают, как по отчеству,
Где на шашлык зажарят соловья,
А храм взорвут когда кому захочется.

Прав Лермонтов: жандармы чтут мундир,
И голубые заменив пятнистыми,

Под видом мира людям шлют не мир,
А горы горя в их края гористые.

О Господи! Спаси и помоги!
Не допусти глумленья над заветами.
А может, сами мы себе враги,
Когда разбой скрепляется ракетами?

31 мая 1995

Моему учителю

Березам радуясь и вербам
И славя жизни торжество,
Дышите впредь чистейшим небом —
Вселенским воздухом его.

Чтоб, приходя в дома и страны,
Высоковольтная строка
Сжигала зло, лечила раны,
Последние за все века!

* * *

Есть мудрость, что свои опасней ворога.
В стране стоит неслыханный разлад.
Повеситься — веревка стоит дорого,
А в землю лечь — дороже во сто крат.

Так и живем, соря экспериментами,
Играя то великих, то нагих,
Питаясь на бегу аплодисментами,
То звуками мажорными от них.

Дьявольская фраза

Я побывал в райцентрах и в самых дальних деревнях и селах Орловщины. Встречался с людьми разных профессий и разных точек зрения на происходящее в стране. При разговоре с ними я уловил одну закономерность: при различии характеров и судеб — люди не хотят войны и хотят быть защищенными своим государством. Я попытался выразить их настроение в этом стихотворении.

Автор.

Умудрился ж какой-то кремлевский злодей
Бросить фразу, как бомбу, в сознанье людей.
— ДЕНЕГ НЕТ!!! И легли ветераны во гроб.
О взбурьяненном поле всплакнул хлебороб.
В безымянных психушках — свихнувшихся тьма.
Располнела от шаек бандитских тюрьма.
Медицина себя положила на стол.
Но укол дорогой. ДЕНЕГ НЕТ на укол.
И согнулся в бараний спиралевый рог
Перекрученно-верченый педагог.
За сосиски актеры играют “Отелло”.
У шахтеров терпение — окаменело.
На распутье стоит ошельмованный вкладчик.
Сердце стало его, как без воздуха мячик.
И на “горькие травы” посажен писатель,

Облетевший планету правдоискатель.
И поставили зубы на полку войска.
Их не маршал ведет — а кулеш котелка.
И милиция взвыла сиреной ГАИ.
До чего же своих обокрали свои!
— ДЕНЕГ НЕТ!!! Повсеместно скулят сателлиты.
Наши помыслы властью коварной убиты.
На особом пайке эти скользкие лица:
В них балык, салями и икорка искрится.
После службы их ждут "мерседесы" и "вольвы".
Вечера их и ночи ошампаненно-вольны.
А потом они прутся в чужую кровать,
Чтобы лежа Россию повыше поднять!
В респектабельных банках, где деньги зажаты,
На тебя, на Россию — в упор — автоматы.
А статистика лживая сытым властям
Ежедневно отчеты строчит по смертям.
И молчит что-то Крест,
и молчит Полумесяц —
Вандализм с вакханалией длятся не месяц.
— ДЕНЕГ НЕТ!!! Это дьявольски жуткая фраза.
Не берет же таких судьбоносцев проказа!
А возьмет их земля — знайте, Бог и Аллах,
Что нечистая сила жила при деньгах!
И спала на деньгах, и деньгами давилась,
А о благе людском и клялась, и молилась.
И на самом закате двадцатого века
Зачеркнула стволами права человека!

7 мая 1996

* * *

Снаряды — новей новейшего,
Подлодок — акулий рыск.
Игра день и ночь в сильнейшего,
Космической бойни риск.

Когда же все это кончится?!
Приди хоть на полчаса,
Всемирная безработица, —
В военные корпуса.

* * *

Любимцев у жадности много,
И сколько не ставят сетей —
У черта воруют, у бога,
Воруют у малых детей.

Какие там мысли о долге,
Живуча же мерзкая страсть.
Воруют на фронте и в морге,
Где нечего вроде украсть.

Доходит порой до курьеза,
Не даст мне писатель солгать:
Один председатель колхоза
Сжевал при народе печать.

Прощай, мол, кормилица-душка,
С тобою я жил без забот...
А где-то растащены пушка
И сверхзвуковой самолет.

О Честь правосудия, где ты?
Откликнись на эти слова:
— Нельзя ли в масштабе планеты
Создать институт воровства?

Ведь есть педагоги, и в силе,
Матерым ученым под стать,
Чтоб люди бы там не учились —
РАЗУЧИВАЛИСЬ ВОРОВАТЬ!

* * *

Вожжами — ловко можно править,
Но вот беда — иной ездок
Кнутом старается прибавить
Усталой сивке восемь ног!

Она рванется, словно ветер,
Одни оглобли волоча,
Оставив где-нибудь в кювете
Очередного лихача.

На Пасху

Наивному Леониду Андрееву,
автору рассказа
“Баргамот и Гараська”.

Опять милиция у храма,
“Мигалки”, с палками наряд.
И всё — от босса и до хама
“Христос воскресе!” говорят.

Здесь светлой благостью не пахнет,
По слуху бьет: “Посторонись!”,
Как будто инопланетяне
Вокруг собора собрались.

А после праздничной закуски
Ослабленный крещеный люд
В свои промозглые кутузки
Борцы порядка развезут.

И по сложившейся привычке,
Чтоб в службе виделся контраст,
Им “Бляха первая” по лычке
Или по звездочке воздаст.

Запоздалая преданность

Портрет Высоцкого — БОЛЬШОЙ!
В руках у космонавта.
Его несет он над толпой:
Любимый, значит, автор.

По смерти — можно обожать,
Пустить вперед науки.
А вот при жизни поддержать —
Не доходили руки.

Что изменилось?

Павлу Васильеву,
Борису Корнилову,
Осипу Мандельштаму

Не на рассвете — в темноте,
Где одиночка в слизь одета,
Из вороненого "ТТ"
Скосили цвет земли — поэта.

Он возвратится к людям вновь,
Прекрасно изданный в столице.
Но все равно сочилась кровь
Сквозь отбеленные страницы.

Певец

Петру Лещенко

О, как жасмином пахнет пряно,
В жасмин распахнуто окно.
И танго юности "Татьяна"
Звучит отрадно-неземно.

И я не чувствую пластинки,
Меня всего берет в полон
И волшебство цыганской скрипки,
И незабвенный баритон.

На лжи не мчитесь в новый век

Кто считает Россию нищей,
Прозябающей на ветру?
Посмотрите, как мечет тыщи
За бананы и за икру.

Посмотрите, как мчат повесы,
Веет холод с лощеных лиц,
На "тойотах" и "мерседесах"
От границы и до границ.

Слово доброе слышно реже,
Чаще наглый парад реклам.
И не дачи растут — коттеджи,
И не верит Москва слезам.

О, шанельные ароматы!
Хищны — гвоздики каблучков.
Тупорылые автоматы
В лапах местных боевичков.

Банки в камень цветной одеты,
И чужого там — не ищи,
Словно деньги со всей планеты
Ухитрились собрать хлыщи.

Кто же будет к искусству чутким,
По искусству из "ГРАДа" бьют.
И певицы, как проститутки,
Больше телом своим поют.

Власть не дремлет и в сером Некто,
Хоть друг друга за власть едят,
Держит крепко в ракетных центрах
Циолковских и королят.

Эти — с Богом, а эти — с бесом.
На знаменах то Бог, то бес.
И сознанье сдавили прессом:
Шмотки. Ужас. Жратва и Секс.

Вряд ли будет в стране диктатор,
Иль отпетый премьер-министр,
Если сам ты — не провокатор,
Не убийца и не садист.

Не мошенник и не лжеванга,
Не расхристанный патриот.
Разве все перечислишь ранги,
Кто соблазнам поклоны бьет?!

И самим себе лгать не надо,
Ложь проявится все равно...
В человечество... или в стадо —
Третьей мудрости не дано.

В Переделкино

Борису Леонидовичу Пастернаку

Гудкам спешащих электричек
Не заглушить концерт дроздов.
А он не слышит гомон птичий,
Любимых ранних поездов.

Теперь под хвойными ветвями —
Свое есть место на земле,
Где профиль дерзкий в серый камень —
Вмят над его факсимиле.

У изголовья — речка Сетунь,
Сквозь сосны — светят купола.
И мысль его летит по свету,
Россия крылья им дала.

* * *

Пускай была Аляска продана,
Как нынче скажут: “За гроши”.
Она пришла к нам с Джеком Лондоном —
Высокой радугой души.

И, осветив планету радостью,
Писатель так в сердца проник,
Что над людской свирепой жадностью —
Был человечней Белый Клык.

Ты вся истоптана копытами,
Здесь жегся порох всей земли.
И над живыми и убитыми
Тюльпаны выстрелов цвели.

О, если б только знало золото —
Оно бы камнем стало враз.
Здесь столько судеб перемолото,
Погашены мильоны глаз.

Не всем поставлены надгробия,
И хочется напомнить вновь:
Страшнее белого безмолвия —
Напрасно пролитая кровь.

Аляска... Близкая-далекая,
Свою историю не прячь.
Золотоносная, жестокая.
И вечный смех, и вечный плач.

Мы все на свете — дети солнца

Посвящается трагедии
Перл-Харбора

Гнетет загадками война,
Хотел бы многое узреть я.
Всплывает истина со дна
Через года, через столетья.

И сквозь обломки кораблей,
И сквозь обломки самолетов
Нам как-то видится ясней
Судьба матросов и пилотов.

О, роковая полоса,
С торпедно-бомбовым разгулом!!!
...Пять тысяч душ за два часа
Пошли на пиршество акулам.

А где-то в штате Мичиган,
И даже в той Иокогаме,
Родительских не сгладить ран
Ни почестями, ни деньгами.

Идет ли солнце на закат,
Или опять восходит солнце,
Оно притягивает взгляд
Американца и японца.

У нас не два их, а одно.
И с двух сторон — ребята в силе.

Да разве им идти на дно?
На берегу еще не жили.

Мечты их в схватках сожжены,
И, не успев с песком смешаться,
Из океанской глубины
До нас стремятся докричаться.

И мы должны погибшим внять,
Пусть в каждом сердце крик их бьется,
Что в солнце надо не стрелять,
МЫ ВСЕ НА СВЕТЕ — ДЕТИ СОЛНЦА!

В гостях

Приходят к матери два сына —
Розовощекие отцы!
Один — в лукошко рвет малину,
Другой — в ведерко огурцы.

Вот молодцы! Мои-то руки
Никак до дела не дойдут...
А рядом вежливые внуки
Гостинцы бабушкины мнут.

Она давно не на зарплате,
Откуда быть у ней рублям.
Все то же стираное платье,
Платок, сбегающий к бровям.

Июльский вечер на исходе,
Спешат к автобусу сынки.
Она с улыбкой их проводит
И снохам выделит кульки.

И машет сухонькою ручкой,
И шепчет вслед: — Спаси, Христос...
А ей бы кто-нибудь с получки
Хоть булку б свежую принес.

Новые слова

В жизни праведной и косной
Новых слов не перечесть:
"Перестройка", "судьбоносно",
Нет продуктов — "рынок" есть.

Встретишь друга в скуке дачной,
Родниковой выпьешь с ним:
— Как живешь-то?
— Однозначно.
— А с женою?
— Плюрализм.

Располневшие мадонны
Рассуждают битый час
Про колготки, про талоны,
Ваучер и телефакс.

В магазине музыкальном
Вместо слова "саксофон"
В спешке, может быть, случайно
Написали "сексофон".

Мужики, пивцо глотая,
Так буфетчицу клянут:
— Это баба "теневая" —
Экономикой зовут.

С явным признаком издевки
Внес тут парень "рацзерно":

— Надо в виде поллитровки
Сделать “винное окно”.

Дед в отглаженной пижаме
Так беседует с женой:
— Мань, побег я на “парламент”,
Дашкин “телик”-то цветной.

Там отчет и там анализ,
Как в двухтысячный иттить...
Так властя зарынковались —
Зубы некуда ложить.

Тут, конечно, не до рая,
Но уже который год
Судьбоносность колготная
Сверху спущена в народ.

О, Спаситель, о, Иезус,
Твой ответ давно мы ждем,
Будет ли когда “консенсус”
Между “массой” и Кремлем?!

На 100-летний юбилей Сергея Есенина

Я из Москвы надолго убежал:
С милицией я ладить
Не в сноровке.
За всякий мой пивной скандал
Они меня держали
В тигулевке.

С. Есенин

Вот и круглая дата настала,
Всем гостям улыбается клен.
Здесь, где люлька поэта качалась,
Вдоль дорог разместился ОМОН.

О, какое усердие власти!
Так пятнисто и строго вокруг,
Что браслеты тебе на запястья
Вмиг накинет есенинский друг.

Нет, милейшие! Я не напрасно
Заомонил начало стиха.
Он от нашей милиции красной —
Убегал, как святой от греха.

Как погиб? Станут правдою слухи?
Или лживости — не прекословь?
Вновь славянский поэт Солоухин
Что-то хочет напомнить про кровь.

Но ударили вдруг колокольца,
Зароптал слишком розовый хор.
— Не нужны нам здесь пятна на солнце! —
Оборвал его глас режиссер.

И какое же право, откуда,
Проживающий, видно, в раю,
Заимел сей культурный ублюдок
В константиновском тихом краю?

Ну, а публика — американит,
Сникерсит, коньячит у Оки.
И так пестр — балаган в балагане,
Так смешны у лотков казаки.

Грустно смотрит рязанское небо,
И со мною согласна волна:
Не замените зрелищем хлеба,
Если в доме российском война.

Если к бедам плюсуются беды,
Если воздух отравлен родной,
Если боссы и прочие смерды
Уезжают отсюда сквозь строй.

Под кивок милицейского жезла,
Под оскал обрезного ствола.
Значит, духом еще не окрепла
Та страна, что его родила.

Не о том ли задумалась хата,
На груди с юбилейной доской,

Что не видела сталь автомата
Даже в годы второй мировой?!

Потому я не очень спокоен
И не верю в фальшивый размах
Устроителей зрелищ и боен,
Отмечающих пир на костях.

3 октября 1995
Константиново

Боль

Вздрогнули от гнева снеговые выси,
В трауре планета — не один Кавказ.
Как несовместимы “танки” и “Тбилиси”,
“Тициан Табидзе” и “токсичный газ”.

Люди в день прощанья стали, как родные,
Засветили свечи с раннего утра,
Чтоб не омрачались тенью тирании
Веточки мимозы, вольная Кура.

Гусеницам танков не урезать солнца,
Всех цветов не сможет срезать автомат.
Грузия, как прежде, для меня, орловца,
Пчелами гудящий, благовонный сад.

Ученым

Тайны лабораторий,
как мне до вас добраться?
Тайны военных игрищ,
как мне взглянуть на вас?
Знаю, вас охраняют
кнопки сигнализаций,
Роботы и охрана,
мощная, без прикрас.

Но и за той охраной
зорко следит охрана.
Власти к охране лучшей
пока еще не пришли,
Чтобы никто из клана
не рассекретил плана,
Плана шитья и кройки
космоса и Земли.

Сильный захватит солнце,
друг по захвату — лучик,
Слабому остается
в страхе от войн дрожать...
В недрах лабораторий
столько ученых лучших,
Думайте о Вселенной,
как о ребенке мать!

Страна Украденного Смеха

Древний замок у реки.
В замке много люду.
Рты закрыты на замки —
И замки по пуду.

Будь король там, или шах,
Отпрыск фараона —
Хохотали люди так,
Что тряслась корона.

Крутит узников Палач
В чине генерала.
Даже ввел науку "Плач" —
Только проку мало.

Редко кто сдает зачет,
Разве что калека:
Плач державный,
Плач впричет,
Плач в масштабе века.

Пусть, как меч, висит гроза,
Не сорвать успеха.
Тиранию жгут глаза
Искорками смеха.

* * *

О, волшебные клавиши
В чутких пальцах твоих.
От сонаты оттаявший,
Целовать буду их.

Златовласая бестия
В предвечерней судьбе!
Посмотри, как созвездия
Подмигнули тебе.

Снова юность увидена,
Вновь я в дружбе с луной,
И душа ожасминена
Той далекой весной.

* * *

Переоделся люд
В красивые одежды,
Но ограничен труд,
И рушатся надежды.

В хитросплетеньях дней
Все стали просвещенней:
Ударить побольней,
Убить поизощренней.

Мартовский лед

Робко к озеру лесному
Вышли первые лучи.
Рыбаки по водоему
Разлетелись, как грачи.

И не грустно соснам хмурым,
Бор услышать норовит,
Как под каждым ледобуром
Лед искрящийся шуршит.

Мигом сердце затрепещет,
Дрожь почувствуешь в руке,
Как блеснет бочком подлещик
На мормышечном крючке.

Яснополянские строки

Земля взяла Шекспира и Толстого.
Тираны в них стреляли, как в мишень.
Но ни костры, ни пули — только слово —
Народы лечит лучше, чем женьшень.

Мысль о свободе — вечно на прицеле,
Но никому не сгладить их чела...
Они прозреньем высветить сумели
Изнанку огнедышащего зла.

Глухота

Нет ничего на свете благородней,
К нему пришла читательская рать,
Но слышит ли она из преисподней:
— Я здесь. Я с Вами. Не могу молчать!

* * *

Толстого правила цензура.
И, говорят, была не дура.
И за свои на Льва — рычания
Она попала в примечания.

Баянист

Он жил при столовой в былые года,
Расстался давно с океаном.
Видала Цусиму его борода,
Теперь — закрывалась баяном.

Рабочая публика в зале тиха,
Видна благодарность по взглядам.
А он так тихонько растянет меха:
И сопки Маньчжурии — рядом...

Молва уходила о нем далеко,
Чиста, словно воздух сосновый,
Бывало, родное свое "Сулико"
Заказывал сам участковый.

И камень снимался с уставшей души,
Светлело лицо от волненья...
Он музыкой так исцелял нас в глуши,
Как будто настоем женьшеня.

Мы песен твоих не забудем вовек,
Их правнукам слушать придется...
Спасибо тебе, дорогой человек,
Полвека не видевший солнца!

* * *

Бюст литой исполнен силы,
Бронзовеет для веков.
Иностранцы — у могилы,
Маловато земляков.

Ветер слева, ветер справа,
Шапки рвет, топорщит мех...
И забвение, и слава —
Нераскушенный орех.

При смене эпох

Сообща — выпивали,
Часто мчались к родным.
По конвейру — рожали,
Проклиная режим.

Вразнобой — выпиваем,
В одиночку — едим.
Очень редко рожаем,
Проклиная режим.

Жаль вас, сестры и братья,
Что при смене эпох
Ваши гнев и проклятья —
Как от стенки горох.

* * *

Спросите у защитников народа,
Кто за народом прятаться привык,
Зачем ему "дарует ся" свобода,
Когда Улыбку вытесняет штык?

* * *

Смеешься ты, что в страсти нет обидчика,
Гораздо интересней новый друг.
Пускай себя почувствует счастливчиком,
А кто он — заниматься недосуг.

О, скольких ты оставила в лунатиках,
А скольких отлучила от семьи?!
Девчонка в недалеком — с белым бантиком,
И женщина — несчастная в любви.

Юбилейные рубли

Кружки металла гасят чьи-то беды,
На них почти не дышит нумизмат.
Какие отштампуются победы,
Чьи лики на монеты воспарят?

Но об одном я сильно сожалею,
Что клан владык, творящий зло в веках,
Не вспомнил о мадонне Рафаэля
С сияющим младенцем на руках.

* * *

Нету счастья на блюде,
Счастье — в целях борьбы.
Подрежимные люди —
Под пятой у судьбы.

Но с другими цепями,
Хоть живут испокон
Под орлами и львами
Зорко-хищных знамен.

* * *

В истории военного азарта
Сопутствует победа не всегда...
Японцам даже солнечная Ялта
Запомнилась, как Южный полюс льда.

* * *

Кто трагедийной жаждет ночи?
Кому не дорог белый свет?
Уже планету кособочит
От обелисков и ракет.

Хочу, чтоб разумом не слепла
Элита правящих мужей.
...От слез,
от крови
и от пепла —
Хлеб не становится вкусней.

Первоапрельское

В Останкино ловки жонглеры слова,
Трещит экран от толп говорунов.
И отыскали Неохлестакова,
Чтоб веселил нас Неохлестаков.

А если нам сегодня не смеется,
Не пляшется сегодня — что тогда?
На юге в активистах ходит солнце,
А север душит вешняя вода.

В Центральной полосе сугробы снега,
Смолк жаворонок, ежатся грачи.
И съели б, может, здесь краюху смеха,
Да все в волненье — будут ли харчи.

Здоровый смех с экрана не доносят,
И кто б не становился на дыбы:
Здоровый смех — он был на сенокосе,
И в молотьбу и после молотьбы.

В здоровом смехе истина звучала,
Смех бил врага на огненной черте.
Когда Россия туркам отвечала —
Взрывался хохот в репинском холсте.

Пусть нам кричат: — На смехе обожжемся!
Мы смех не ограничиваем ДНЕМ!
Смеемся?
Над собою мы смеемся.
Хохмачество —
За смех не признаем.

* * *

Живу я в деревне у тестя,
Смотрю телевизор в дожди:
Народ остается на месте,
Премьеры в пути и вожди.
Для истины нет расстояний,
Пусть крепнет сердечная нить,
Чтоб нам в мировом океане
На айсберг не наскочить.

Зацензуренные почтамты

На Главном почтамте не получаю аккуратно заграничную почту. Должны посылать в запечатанных конвертах (без цензуры) — не исполняют.

Можно жаловаться, но едва ли можно что-то сделать.

Академик В.И. Вернадский.
"Дневник 1938 года"

Вот мчится тройка почтовая,
Но есть и "тройка" почтовая.

Из фольклора

В телеграммах — всего не скажешь,
И открытка — цветной шаблон.
Служат тетеньки здесь со стажем,
Дяди строго блюдут закон.

И под маской святейшей роли,
И под видом благих услуг
Лезут в письма и в бандероли,
Подключив электронный нюх.

О, почтамты! Вы не устали
Перемалывать зерна чувств?
Сколько вы мастеров предали
От науки и от искусств?

ОКО-УШИ... Как на заставе.
Омерзительно жить, стуча.

Я на ваши бы лбы поставил
Тонны лучшего сургуча.

Чтобы кожу стянул немного,
Чтобы тот, кто в делах не чист,
Никогда, ни за что не трогал
Тайну сердца и белый лист.

В прошлом веке почтмейстер Шпекин,
В нашем веке он ШПИКИН стал
И все светлое в человеке
В сеть чудовищную поймал.

* * *

Будут возгласы и гласы,
Но поймите, знатоки:
Генеральские лампасы —
Две кровавые реки.

Много страха в человеке,
Войны вынес человек...
Не хочу, чтоб эти реки
Устремлялись в новый век.

* * *

Бывайте у святынь!
Я с ними возвышаюсь.
И тьме кричу: — Отринь...
И светом наполняюсь.

Но святость не проста,
Идет через страданья:
Миг гибели Христа —
И — вечность покаянья.

* * *

Я стремился к низинам и высям,
Жил мечтой, что тобою любим.
А теперь пачка трепетных писем
Перечеркнута взглядом твоим.

Мне от холода некуда деться,
Принимаю суровую явь.
Не вычеркивай только из сердца,
Хоть на краешке сердца оставь.

* * *

В который раз народ распят,
И кто спасет нас от обмана?!
Кто он, грядущий наш собрат,
С прическою “а ля Сократ”,
Или с прищуром Чингис-хана?

В тупике

Век космоса и деградации,
Век церберов и калек.
На поводке информации
Ходит теперь человек.

Выслушивает, вылавливает,
Высматривает, строчит.
Гаденькое похваливает,
Доброе поносит.

Уши, как два локатора,
Живет, никого не любя,
В должности информатора
На самого себя.

Внук маршала

Он увлекается опушками,
То пишет шторм, то цветь лугов.
Дед пулеметами и пушками
В своей стране косил "врагов".

Этюды внука пахнут сотами,
Чисты в них речки и пруды.
Художник скромными полотнами
Стирает дедовы труды.

Зимний букет

Он разучился улыбаться
В тисках холодной Воркуты.
Но на вокзале у кавказца
Купил багряные цветы.

Курил у дома перед входом,
Звонил и чуял дрожь руки.
— Ну, здравствуй, дочка, с Новым годом!
Но сухо щелкнули замки.

За дверью музыка звучала
В сиянье елочных огней.
Он даже слышал звон бокалов
Сквозь смех родных и смех друзей.

И за секунду промелькнула
Вся жизнь, развеянная в прах:
Кошмары буйного разгула,
Жена с дочуркою в слезах.

Из прошлого — летели крики,
Его жег стыд в метельный шквал.
И запоздалые гвоздики
Он встречной парочке отдал.

* * *

Все вы видите, россияне,
Что в политике, что в казне.
Как грибы растут на поляне,
Так и банки растут в стране.

Здесь охрана — до полуроты,
Смотришь в лица, а нет лица.
Научились считать банкноты,
Разучились читать сердца.

Обижают вас чаевые,
Дай Канары, подай манто.
В голодающую Россию
Не поверит теперь никто.

* * *

В беде ли мое Отечество,
Что там под сенью крыш?
Расстреливают человечество
Водка, табак, гашиш.

Медленно, но по-снайперски:
Бац — и наверняка.
Эту пристрелку мастерски
Чья-то ведет рука.

Чей-то умище вычислил,
Сколько теряет в год
Душ у последней пристани
Тот ли, другой народ.

Войдут Хиросима с Майданеком,
Ристалища той войны.
Дельцы занялись ботаникой
С черной ее стороны.

Великие комбинаторы
Из материнских чрев
Опасней, чем все диктаторы,
На ком всепланетный гнев.

В беде ли мое Отечество,
Лондон, Пекин, Париж?
Бьют наповал человечество
Водка, табак, гашиш.

Кризисное время

Я раз столкнулся с выходкой таковской,
Слова легли, как гиря на весы:
— Не нужен мне Шукшин и Смоктуновский,
Я лучше съем коляску колбасы.

Торговочка с зубами золотыми,
Поставив лихо руки на бока,
Над мертвыми смеялась и живыми,
Как будто бы наелась на века.

И что-то было жуткое в ответе,
И в сердце мне закрадывался страх:
А если у нее такие дети?
А если эти дети при властях?

* * *

Дачи выросли, есть гаражи,
Поклоняемся — полному ларцу...
Где достать нам лекарство от лжи
И юнцу и сановному старцу?

Что ответит земной наш киоск?
Может, в космосе эта аптека?
...Ложь внесла величайший хаос
В невеликую жизнь человека.

Бывшие громовержцы

Постарели поэты — все чаще по дачам,
Собирают смородину и облепиху.
Жизнерадостный смех уже путают с плачем,
И поблекшие строки тащат в новую книгу.

Постарели поэты — ветшают, ветшают.
Ни богов, ни чертей среди дня не свергают.
А холеные внучки и дерзкие внуки
За большой гонорар их берут на поруки.

Без огня

Одному "гению"

По пьяненькой привычке,
Бубня свой давний стих,
Всю жизнь он просит спички,
Поскольку нет своих.

* * *

Мы любим сполохи сенсаций,
Плохи́ они иль хороши.
Сложнее всех цивилизаций —
Цивилизация души.

Нас часто водят вокруг пальца
С мученьем адским, а за что?
Одни со лбом неандертальца,
Другие с плешью, как плато.

На скольких праведников тонких
Мы насмотрелись за свой век,
С душой, как джунгли Амазонки,
Где не прижился человек.

* * *

Отвыкли хлеб в деревне печь,
Хотя муки и гущи вволю.
И русская не пахнет печь
Румяной коркою и полем.

Хоть ливень лей, крути метель,
Теперь такие молодицы —
Уйдут за тридевять земель,
Чтоб только с тестом не возиться.

Вопрос возник само собой,
Ужели вы, гостей встречая,
В солонке вынесете соль —
Живую соль —
без каравая?

Просветители

Беззаконье не приемля,
Мыслью вспарывая тьму,
Завещали эту землю
Не кому-нибудь — Уму.

Ни умишкам, ни излишкам,
Ни брильянтам, ни свинцу,
Ни завистливым людишкам,
Коим власть всегда к лицу.

Кто казнен, кто спит в могиле,
Без плиты и под плитой,
Возражающие силе
И под вечной темнотой.

* * *

Матери!
Вы весь свой век в заботе:
Как сроднить достаток и уют.
Ночь не спите, в думах на работе —
Дети вам покоя не дают.

Просите вы их ежеминутно:
Не ходи туда и с тем не пей.
Слушают вас первенцы как будто,
За порогом — все мимо ушей.

Вас знобит от встречного наряда,
Желтый лимузин — бросает в дрожь.
Государство лжет, ему так надо,
Ложь родной души — двойная ложь.

Пусть молитвы будут не напрасны,
Пусть святой водой окраплены.
Только нищетою и соблазном
Дочки-сыновья поражены.

Что спасет их — деньги иль иконы,
Или символ новой красоты?
Вот уже годами миллионы
Бродят без работы и мечты.

Не обидьте женщину святую —
В мире зла живущую детьми...
Матери!
Они всю жизнь воюют,
Чтобы стали нелюди — людьми.

Персидская сирень

Ах, пятизвездные цветы!
Сверкает в них роса рассвета.
Я изнемог от красоты
Твоей и свежего букета.

Как мне тебя приворожить,
Я слов магических не знаю.
Не рви натянутую нить,
Вернись к серебряному маю.

Ведь я дарил тебе луну,
И Млечный Путь нам был единым.
И в нашу первую весну
Весь мир казался соловьиным.

Согрей улыбкой свой каприз,
В раздоре быть мне неохота.
Пусть лепестки слетают вниз —
Сердца не вышли из полета.

Лесник

Живет — за Полесье в ответе,
К нему с колыбели привык.
И все его боги на свете —
Изба, тишина и родник.

Судьба не жалеет ударов,
Порой не по правилам бьет,
То дымом гудящих пожаров,
То порохом тайных охот.

Живет — за Полесье в ответе,
За иволгу и за лису.
И тужит, что взрослые дети
В людском заблудились лесу.

* * *

Уважая друг друга,
Легче жить на планете:
Усмиряется вьюга,
Подчиняется ветер.

Исчезают боязни,
Отступают болезни,
Приближается праздник,
Откровеннее песни.

Уважая друг друга,
Не спеши разминуться.
Как бы ни было туго —
Все узлы разорвутся.

И любые проклятья,
Что нам дьявол наметил,
В жарком рукопожатье —
Превращаются в пепел.

* * *

Всегда опаздывает почта,
И, как там скорость не усиль,
Все срочное — уже не срочно,
А профильтрованная быль.

Она и в радости, и в драме,
В наш мир вторгается смелей,
Тревожа черными глазами
Официальных штемпелей.

Все-таки дошел Шамиль до Мекки...

— Черный камень Каабы!
Жизнь моя коротка.
Я пришел к тебе, слабый,
Знавший силу клинка.

За кровавые реки,
Что впитала земля,
И сейчас, и вовеки
Ты прости Шамиля.

Я не думал о битве,
Злу ответила злость:
Мне Кавказ на молитве
Удержать не пришлось.

И владельцы кинжала
Не хотели войны.
В саклях, сбросив усталость,
Ели с маслом блины.

Козий сыр — не патроны,
Виноград — не шрапнель.
Царь привел батальоны,
Метил порохом цель.

Но и мы не из слабых —
Багровела земля...
Черный камень Каабы!
Ты прости Шамиля.

Небастующий город

На Иртыше, на Волге ли
Центрист в любой борьбе.
Две трети идеологи
И треть из ФСБ.

Имеет сотни нукеров,
Клюющих на заказ.
Он из гаражных бункеров
С Кремля не сводит глаз.

Какие розы выкинет,
С шипами или без,
Премьер-министр со скипером,
Рубя на щепки лес?

Следит сосредоточенно,
Где лад, а где раскол.
В нем скрыта чья-то вотчина
Для взлета на престол.

Ищи там виноватого,
Когда сфанфарит медь.
...Но грозно-бесноватого
Не хочется иметь.

Приглашение

Евгению Александровичу Евтушенко

Облетели вы планету,
Были в холоде, в тепле.
Знаменитому поэту
Не грешно побыть в Орле.

Здесь свежа сирень в июне,
Орлик наш не обмелел.
И отсюда юный Бунин
К лаврам Нобеля взлетел.

Валютопленные

Бегут за долларом, за марками,
За ложной радугой реклам.
Готовы шаркать за подарками
То в христианство, то в ислам.

Не важно — дяди ли там, тети ли,
Но златолюбцы всех систем
В погоне этой — отойотили,
Омерседесили совсем.

Слепая алчность жаждет скорости,
Что ей всемирные ГАИ.
Она враждебна к знаку совести,
Когда вершит дела свои.

Грязны их речи откровенные
По части правды и свобод.
Они всегда валютопленные,
Затылком смотрят на народ.

Пройдут сквозь войны, мимо голода,
Прибрав сокровища к рукам.
— Сезам, отдай брильянты-золото!
Откроет двери им Сезам.

Но не везде они всевластные,
И суд Сезамов будет крут:
Скелеты паукообразные
Лишь здесь р у ч и щ а разомкнут.

* * *

Россия начинает пить “Мартини”,
В глазах рябит от разных “Кока-Кол”.
Из красной стала быстро джинсо-синей,
Звезда не в моде — снова взмыл орел.

Тряпично-продуктовый мир не страшен,
Жить хорошо в стране не запретишь.
Но танк... пока еще не перекрашен,
И ствол его с березкой не сравнишь.

* * *

Интересен поэт, если он — современник,
А не заперся в тихом и дачном тепле,
Не впадает во лживость и вечно без денег,
А богатство — открытый блокнот на столе.

В нем народы и царства на белых страницах,
Диктатуры и узники концлагерей.
Ну, а если нехватка появится в птицах,
Кличет болью планеты седых журавлей.

Кто-то видит в стихах динамит между строчек,
Кто-то выкрикнуть хочет: — Под слезы пляши!
И огромная лупа исследует почерк,
Чтоб всемирно вещать о изъяне души.

У завистников славы — железные лапы.
Что там лев или тигр? Когти зверя слабы.
Зверь задушит и все. Ну, а эти сатрапы,
Уничтожив живых, разрывают гробы.

Жги глаголом всю мерзость от века до века,
Освети и согрей в этом мире сердца,
Чтобы в бездну скатился позор с человека,
Не понявшего суть золотого тельца.

Работай, друг!

Кто лечится политикой, кто сексом,
Кто верит в наркотический дурман.
Одним из величайших экстрасенсов
Мне видится Евгений Петросян.

Он лечит без гипноза и без платы,
В подлунном мире он богаче всех,
Поскольку людям, догмами зажатым,
Он щедро дарит искрометный смех.

А Смех сильней любого элексира,
Хотя все пушки целятся в него.
Погрязшие в крови владыки мира,
Как съели Кука — съели бы его.

Живя среди пилатов и неронов,
Работай, друг, пока в расцвете лет,
Чтоб челюсти закрытых полигонов
Тряслись от смеха зубьями ракет.

* * *

В бинокли ловим астероид.
В безумстве вертим русла рек.
Тарелки. Несси. Гуманоид.
Стал притчей — снежный человек.

Уже и шарик облетели,
Луна — с рисунком башмака.
А вот з е м н о г о — проглядели,
Ограбили до волоска.

Чарли Чаплин

Люблю в нем актера и автора,
Он дорог не только мне.
Но что-то его "Диктатора"
Не вижу в своей стране.

Напомнят о нем по телеку,
Мол, смело сыграл врага.
И вскользь упрекнут Америку,
Что ленточка дорога.

Не по наивному ж случаю,
Входя в гегемонскую роль,
Раз двадцать себе прокручивал
Работу его — Адольф.

Один ли он это видывал?
И, правду нутром не любя,
Почти всепланетные идолы
В герое — узнали себя.

Кто хочет быть в мире посмешищем?
И власти смыкаются тут:
Для фильма стал вечным убежищем
Прославленный Голливуд.

А Чарли метет себе клёшами
И песню несет на устах:
Режимы бывают хорошими,
Когда они спят в словарях.

* * *

Русь — разорванный круг:
Есть раскольники.
Наркоманы вокруг,
Алкоголики.

Стукачи, палачи,
Мафиозия.
Жрут страну, хоть кричи,
Как коррозия.

Не поможет ей блат,
Ни священники,
Если в ясли-детсад
Прут мошенники.

Если ражий мясник,
Цвета макова,
Под говяжий язык
Рвет Булгакова.

Здесь не сладит Щедрин
С держимордами.
Жжется кровь — не бензин
Опель — Фордами.

Хватит, Русь, не наглей
В эру космоса,
Ради счастья детей,
Ради КОЛОСА!

* * *

Печаль и радость вздыбленного мира
Таланты стороной не обойдут.
Кому легка божественная лира?
Переверните! Лира — как хомут.

Пылитесь, приструняйтесь... Ваше право.
Но мне художник дорог только тот,
Кто не юлит ни влево и ни вправо,
Кто в хомуте — пока не упадет.

* * *

Истина — характером прямая,
Видел я — и ей не прекословь:
Люди молодеют, словно в мае
Пережили первую любовь.

Истина — не терпит иждивенца,
Не стрижет купюры и гроши.
Если и колюча — то от сердца,
Если улыбнется — от души.

Где-то мракобесы и невежды
Для нее возводят эшафот.
Только не убить ее надежды:
ВСЯ ПЛАНЕТА — К ИСТИНЕ ПРИДЕТ!

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ:

Связь времен

Пушкин А.С. (1799—1837), великий русский поэт.

Ермолов А.П. (1777—1861), генерал, герой Отечественной войны 1812 г.

Пушкин Г.Г. (1913), правнук поэта.

Гейченко С.С. (1903—1993), директор музея-заповедника А.С. Пушкина.

Пущин И.И. (1798—1859), лицейский друг Пушкина, декабрист.

Яковлева А.Р. (1758—1828), няня Пушкина.

Керн А.П. (1800—1879), плямянница хозяйки Тригорского. Ей посвящено стихотворение "Я помню чудное мгновенье".

Посмертный обыск

Николай I (1796—1855), годы царствования (1825—1855).

Бенкендорф А.Х. (1783—1844), граф, начальник 111 отделения политической полиции.

Дубельт Л.В. (1792—1862), генерал, начальник штаба корпуса жандармов.

Булгарин Ф.В. (1789—1859), реакционный журналист, тайный агент политической полиции.

Пушкина Н.Н. (1812—1863), жена поэта.

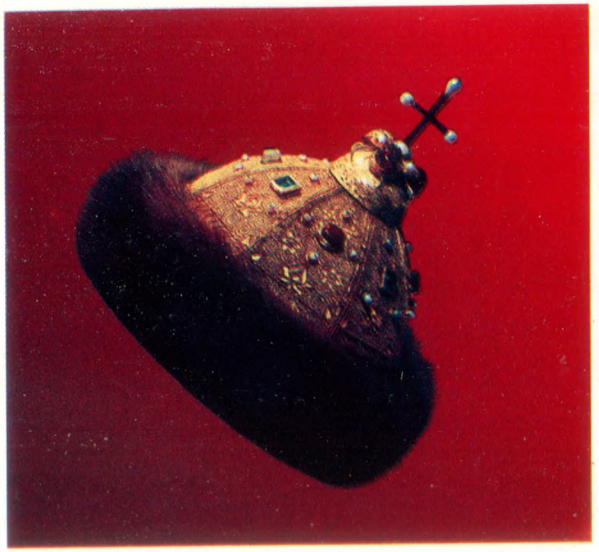
Гончарова А.Н. (1811—1891), ее сестра.

Дантес Ж.Ш. (1812—1895), офицер гвардии, приемный сын барона Л. Геккерна (1791—1884), нидерландского посланника в Петербурге.

Жуковский В.А. (1783—1852), поэт, мастер перевода, близкий друг Пушкина.

Вяземская В.Ф. (1790—1886), княгиня, жена П.А. Вяземского (1792—1878), известного критика и поэта.

Григорий Григорьевич Пушкин в хранилище рукописей ИРЛИ (Пушкинского дома) просматривает дневник прадеда. Фото 1973 г.



* * *

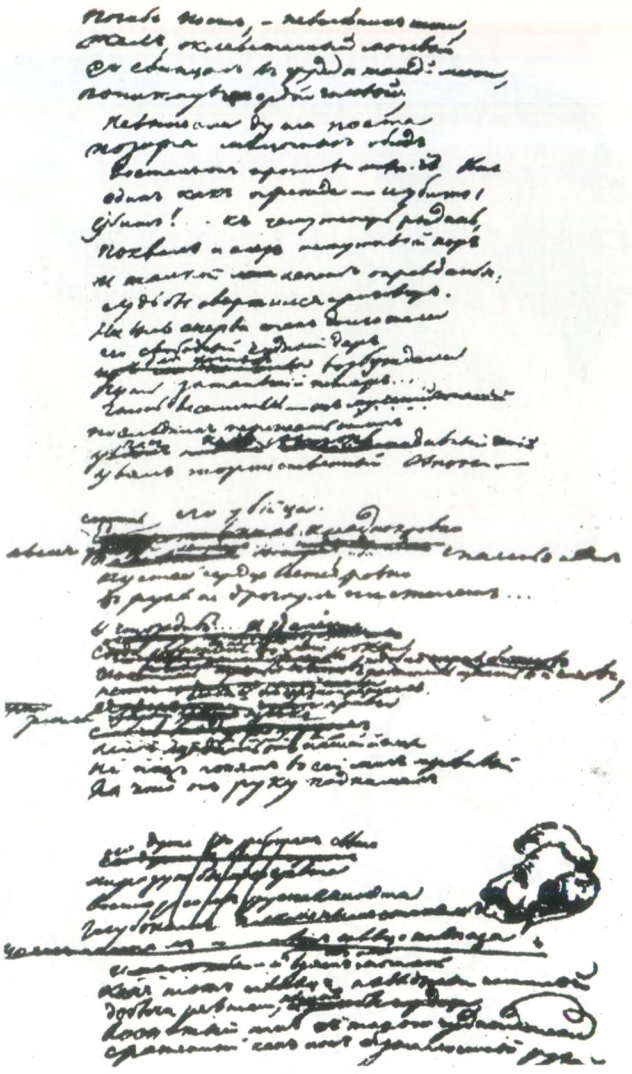
Какая голова сюда войдет,
С залысиной, с пятном или с пробором?
В сей символ власти труд вложил народ,
Чтоб власть не жгла его своим позором.

Автопортрет. 1817-1818

Автопортрет. 1821

Автопортрет. 1823

Автопортрет. 1824-1826



Черновой автограф стихотворения “Смерть поэта” с рисунком М. Ю. Лермонтова, изображающим профиль начальника штаба корпуса жандармов Л. В. Дубельта.

М. Ю. Лермонтов.
Автопортрет. Акварель.
1837-1838

Наталья Николаевна Пушкина.
Акварель А. П. Брюллова.
1831-1832

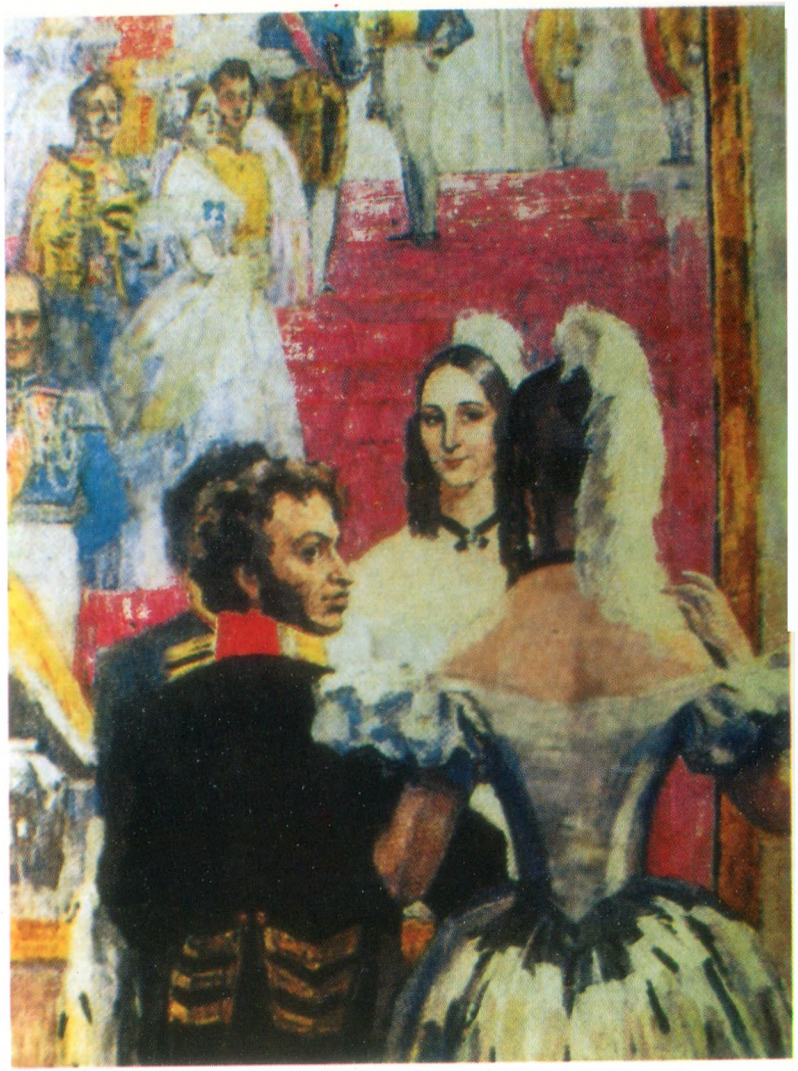
Автопортрет. 1829

А. С. Пушкин.
Автопортрет с пикой

Автопортрет. 1829

Автопортрет. 1832

Автопортрет. 1836



А. С. Пушкин и Н. Н. Пушкина на придворном балу перед зеркалом.
Картина работы Н. П. Ульянова. 1937

Наталья Николаевна Пушкина.
Акварель В. И. Гау.

Группа писателей:
И. А. Крылов, А. С. Пушкин, В. А. Жуковский, Н. И. Гнедич.
Фрагмент картины Г. Г. Чернецова
“Парад на Марсовом поле”. 1832

А. Х. Бенкендорф.
Гравюра Т. Райта с оригинала Д. Доу.
1824

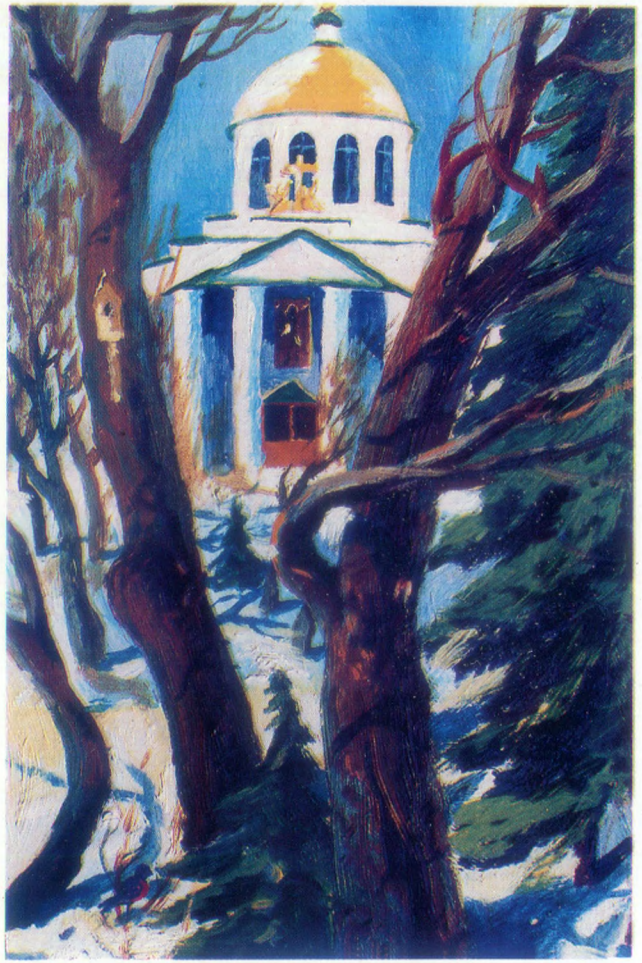
Ж. Ш. Дантес.

Дуэль Пушкина с Дантесом.
Картина работы А. А. Наумова. 1885

Группа писателей:
И. А. Крылов, А. С. Пушкин, В. А. Жуковский, Н. И. Гнедич .
Эскиз к картине Г. Г. Чернецова "Парад на Царицыном лугу". 1832

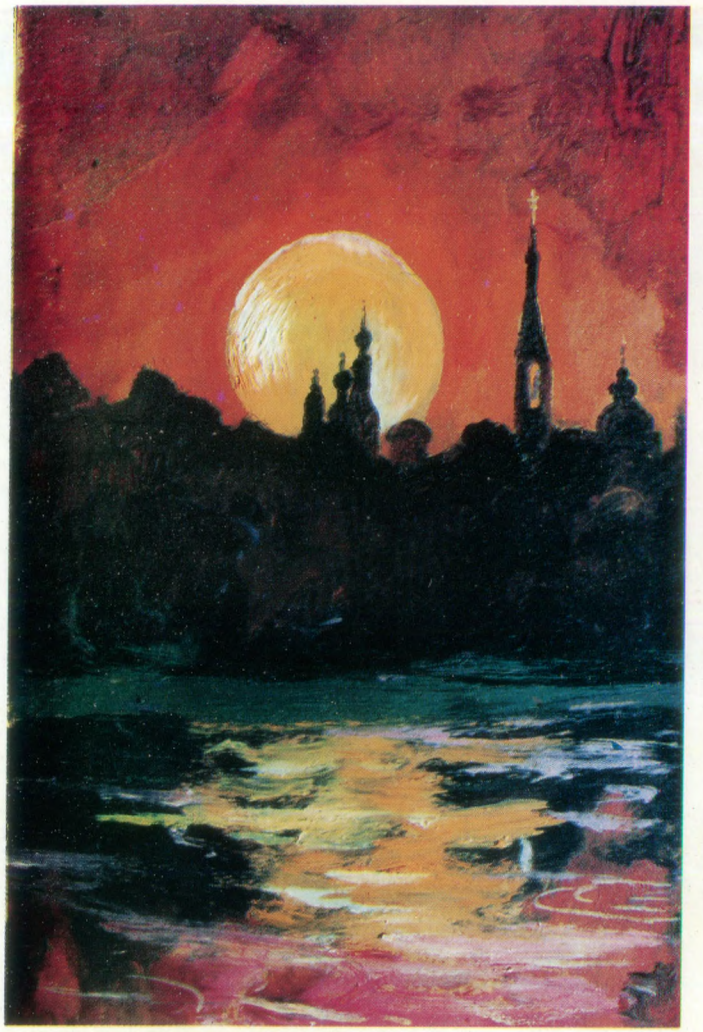
В. А. Жуковский.
Портрет работы К. П. Брюллова.
1838

Виктор Рассохин. Автор книги.



"Псково-Печерская лавра". *Этюд автора.*

При лунном свете. *Этюд автора.*

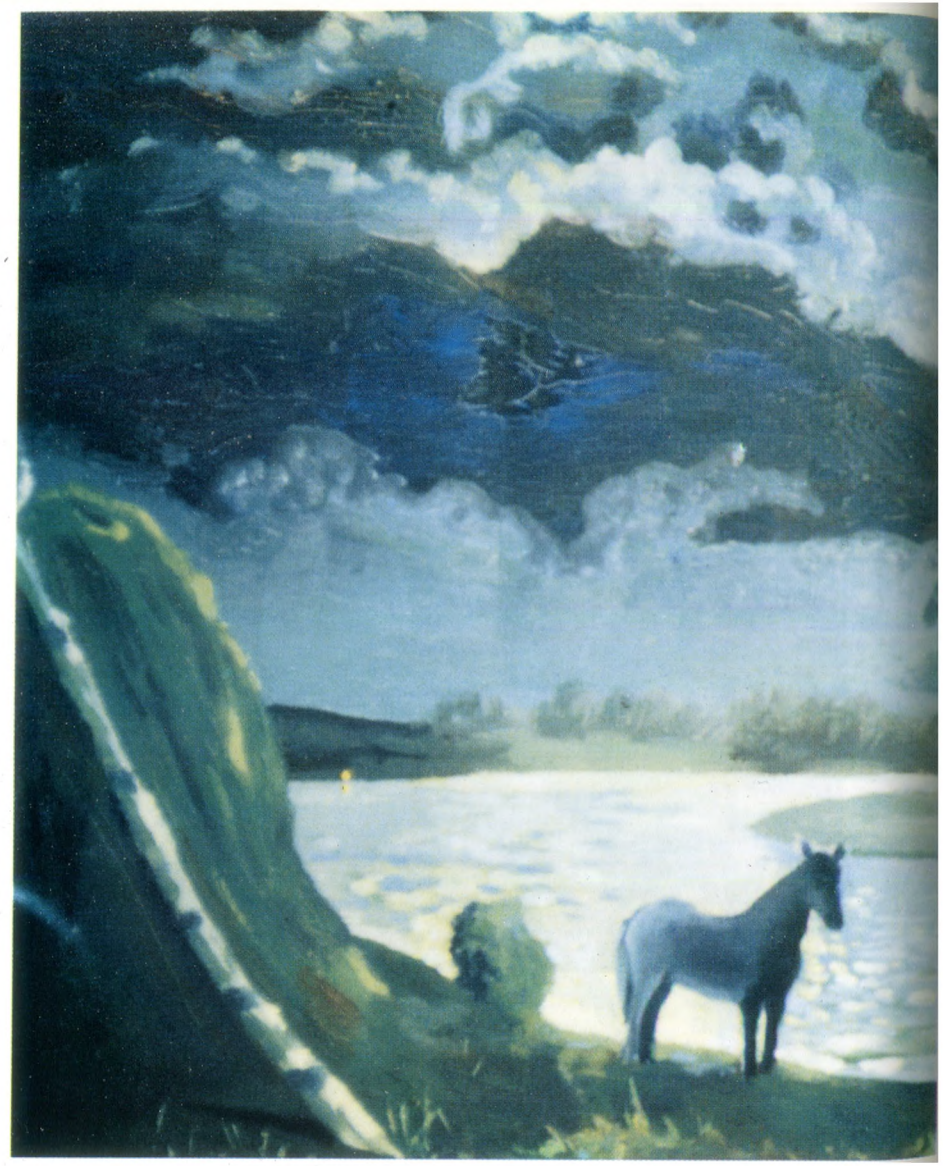


Сердцу милый край. *Этюд автора.*

Две красоты. *Этюд автора.*

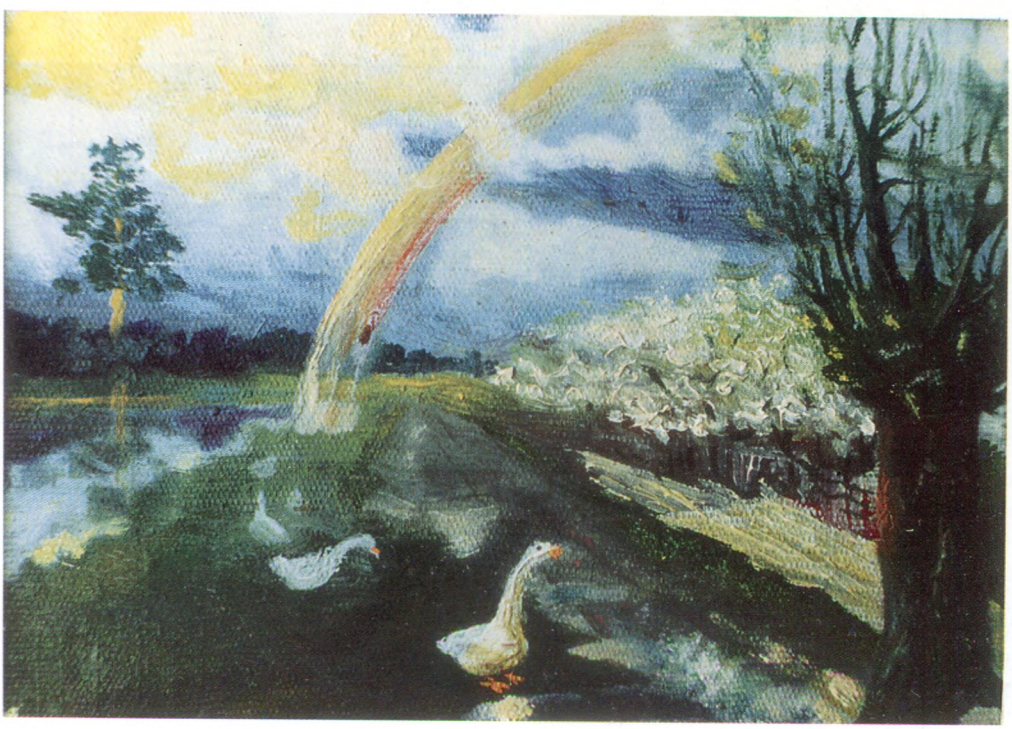
Гроза пронеслась. *Этюд автора.*

Отшумела береза. *Этюд автора.*



Волшебная ночь. *Этюд автора.*

Вернулись аисты. *Этюд автора.*



Майская радуга. *Этюд автора.*

У лесной опушки. *Этюд автора.*

Годунов Б.Ф. (1551—1605), русский царь.

Карамзин Н.М. (1766—1826), писатель, публицист, историк, создатель двенадцатитомного труда "История государства Российского".

Воронцов М.С. (1782—1856), граф, генерал-губернатор Одессы.

Гнедич Н.И. (1784—1833), поэт, переводчик "Илиады".

Крылов И.А. (1769—1844), великий баснописец.

Лермонтов М.Ю. (1814—1841), автор стихотворения "Смерть поэта", резонанс которого был огромен.

Греч Н.И. (1787—1867), литератор, вместе с Ф.В. Булгариным издавал газету "Северная пчела".

Фотий (1792—1838), один из представителей церковного мракобесия.

Вольтер Ф.М. (1694—1778), великий французский просветитель.

Петр I (1672—1725), государственный деятель России.

Пугачев Е.И. (1744—1775), предводитель крестьянского восстания.

Кипренский О.А. (1782—1836), художник-романтик.

Брюллов К.П. (1799—1852), автор знаменитой картины "Последний день Помпеи".

Брюллов А.П. (1798—1877), автор портрета Н.Н. Пушкиной. 1831—1832.

Чернецов Г.Г. (1801—1865), художник, запечатлевший в своих работах образы писателей-современников.

Ге Н.Н. (1831—1894), исторический живописец, автор картины "Пущин в гостях у Пушкина в Михайловском". 1875.

Наумов А.А. (1840 — 1895), художник круга передвижников.

Ульянов Н.П. (1875—1949), автор картины "А.С. Пушкин и Н.Н. Пушкина на придворном балу перед зеркалом". 1937.

Заря сквозь сумерки

Солженицын А.И. (1918), писатель, автор книг "Один день Ивана Денисовича", "Архипелаг ГУЛАГ", "Раковый корпус", "В круге первом", "Бодался теленок с дубом" и других. Лауреат Нобелевской премии.

Блок А.А. (1880—1921), поэт.

Чаплин Ч.С. (1889— 1977), великий комедиограф и киноактер.

Лихачев Д.С. (1906), литературовед, академик.

Киплинг Д.Р. (1865—1936), английский писатель, лауреат Нобелевской премии.

Роммель Э. (1891—1944), фельдмаршал, командовал Африканским корпусом, участник заговора против Гитлера, покончил жизнь самоубийством.

Андреев Л.Н. (1871—1919), писатель.

Высоцкий В.С. (1938—1980), популярный певец, киноактер.

Васильев П.Н. (1910—1937), поэт, расстрелян.

Корнилов Б.П. (1907—1938), поэт, расстрелян.

Мандельштам О.Э. (1891—1938), поэт, погиб в тюрьме.

Лещенко П.К. (1898—1954), известный певец, погиб в бухарестской тюрьме.

Циолковский К.Э. (1857—1935), ученый-гуманист, отец космонавтики.

Пастернак Б.Л. (1890—1960), поэт, автор романа "Доктор Живаго". Лауреат Нобелевской премии.

Есенин С.А. (1895—1925), поэт.

Солоухин В.А. (1924—1997), поэт, прозаик, автор книг "Владимирские проселки", "Капля росы", "Камешки на ладони", "Письма из Русского музея".

Табидзе Т.Ю. (1893—1937), грузинский поэт, расстрелян.

Шекспир В. (1564—1616), великий английский драматург.

Толстой Л.Н. (1828—1910), великий русский писатель.

Иисус Христос (библ.) (753—786), сын Бога, спаситель.

Мономах Владимир (1053—1125), великий князь киевский.

Рафаэль Санти (1483—1520), итальянский живописец и архитектор.

*Сократ (*469—399), древнегреческий философ.

Чингис-хан (1155—1227), монгольский полководец-завоеватель.

Шукшин В.М. (1929—1974), писатель, киносценарист, режиссер, актер, известный по фильмам "Печки-лавочки", "Калина красная", "Они сражались за Родину".

Смоктуновский И.М. (1925—1984), выдающийся мастер сцены и кино.

Аполлон (миф.), бог солнца и света, покровитель искусств.

Репин И.Е. (1844—1930), великий русский художник, автор картины "Запорожцы, сочиняющие письмо турецкому султану".

Лондон Джек (1876—1916), знаменитый американский писатель.

Шамиль (1797—1871), легендарный имам Дагестана и Чечни, объявивший царской России священную войну "газават", длившуюся несколько десятилетий.

Евтушенко Е.А. (1933), известный поэт, составитель антологии "Строфы века".

Бунин И.А. (1870—1953), писатель, лауреат Пушкинской и Нобелевской премий.

Нобель А.Б. (1833—1896), учредитель премий в области науки и литературы.

Петросян Е.В. (1945), выдающийся артист в юмористическом и сатирическом жанре.

Пилат Понтий, римский прокуратор, предавший смертной казни Иисуса Христа.

Нерон Л.Д. (37—68), римский император, прославившийся жестокостью правления.

Кук Д. (1728—1779), знаменитый английский мореплаватель, трижды обошедший вокруг Земли.

Вернадский В.И. (1863—1945), ученый с мировым именем.

Булгаков М.А. (1891—1940), писатель, автор книг "Белая гвардия", "Собачье сердце", "Мастер и Маргарита".

Салтыков-Щедрин М.Е. (1826—1889), великий русский писатель-сатирик.

Содержание

На рассвете 3
Связь времен (вступление) 5
В Михайловском 7
"Шмель проснулся, гудит басовито с рассвета..." 8
"На сосновых стволах желтоватые пятна..." 9
Среди лип 10
Времена года 11
"Услышал гром лозняк-приречник..." 12
"Славится ракитами деревня..." 13
Перед рассветом 14
Посмертный обыск (драматическая поэма) 15
Заря сквозь сумерки 45
"Февраль. Сугробисто и мглисто..." 47
"И зачем эта Черная речка..." 48
"К золотой мечте своей..." 49
"На синеве Тригорского пруда..." 50
"Сова, сова... Загадочная птица..." 51
"Долговаты были сборы..." 52
Аисты в Тригорском 53
"В этом городе высоком..." 54
"Невы разнузданная сила..." 55
"В постели взяты фавориты..." 56
"Иду по Невскому проспекту..." 57
"У надгробья Петра пламенеют тюльпаны..." 58
"В глаза плебейски глядя господину..." 59
"До радуги — почти рукой подать..." 60
"Мне говорил когда-то прадед..." 61
Ирония судьбы 62
"Невыразима скорбь людская..." 63

Правнук поэта 64
В Александро-Невской лавре 65
Последний рейс 66
“Ничтожно общество людское...” 67
Отпускник 68
Ландыши 69
“Скрипит паром печально и тоскливо...” 70
Подвиг 71
“Какие б ни кипели страсти...” 72
Исчезновение стыда 73
Страда 74
Старые игрушки 75
Горячий пепел 76
“Спускаюсь вниз за соловьиной трелью...” 77
Юность 78
“Задыхаюсь, не выскажу нужного слова...” 79
“Сенокос начинается с вечера...” 80
По чернотропу 81
“Деревня спит. Кому-то снится бог...” 82
“Озера тоскуют по уткам...” 83
Речка 84
“Наклонилась Большая Медведица...” 84
“А вот и март, сердца тревожа...” 85
“Не завидуй цветению розы...” 86
Из цикла “Соловецкие острова” 87
Северная ночь 87
Палач 88
Соловецкая молодка 89
После допроса 91
“Затерялся в море остров...” 92
“Ни пера, ни чернил, ни бумаги...” 93
“Меж стволами подросших осинок...” 93
Милость 94
Слепцы 95
Тихая обитель 96
Рисунок 97
Птицелов 98
“Автомат, пистолетик, танкетки...” 99

“Сегодня друзья не точные...” 100
“Ночь не боится...” 101
“В стране ввели бронежилеты...” 102
“Превратилась эстрада...” 103
Береза в бору 104
“Когда ко мне приходит радость...” 105
“Не любит правда пышной фразы...” 106
1 Мая 1937 года 107
Летчик 107
Заградотрядец 108
“В Берлине по Роммелю траур...” 109
Новые гунны 110
“О, гороскопы, гороскопы...” 111
Предзимье 112
“Ты музыкантом был рожден...” 113
“Кинохроника. Юность века...” 114
Военкоматы 115
Открытое письмо 116
“Год пройдет, промчится десять...” 117
“Блеснет — и отдана в солдаты...” 118
Монолог бывшего заключенного 119
Мольба 120
Моему учителю 121
“Есть мудрость, что свои опасней ворога...” 122
Дьявольская фраза 123
“Снаряды — новей новейшего...” 125
“Любимцев у жадности много...” 126
“Вожжами — ловко можно править...” 127
На Пасху 128
Запоздалая преданность 129
Что изменилось? 130
Певец 131
На лжи не мчитесь в новый век 132
В Переделкино 134
“Пускай была Аляска продана...” 135
Мы все на свете — дети солнца 136
В гостях 138

Новые слова ... 139
На 100-летний юбилей Сергея Есенина ... 141
Боль ... 144
Ученым ... 145
Страна Украденного Смеха ... 146
“О, волшебные клавиши...” ... 147
“Переоделся люд...” ... 148
Мартовский лед ... 149
Яснополянские строки ... 150
Глухота ... 150
“Толстого правила цензура...” ... 150
Баянист ... 151
“Бюст литой исполнен силы...” ... 152
При смене эпох ... 153
“Спросите у защитников народа...” ... 153
“Смеешься ты, что в страсти нет обидчика...” ... 154
Юбилейные рубли ... 155
“Нету счастья на блюде...” ... 156
“В истории военного азарта...” ... 156
“Кто трагедийной жаждет ночи?..” ... 157
Первоапрельское ... 158
“Живу я в деревне у тестя...” ... 159
Зацензуренные почтамты ... 160
“Будут возгласы и гласы...” ... 161
“Бывайте у святынь!..” ... 162
“Я стремился к низинам и высям...” ... 163
“В который раз народ распят...” ... 164
В тупике ... 165
Внук маршала ... 166
Зимний букет ... 167
“Вы все видите, россияне...” ... 168
“В беде ли мое Отечество...” ... 169
Кризисное время ... 170
“Дачи выросли, есть гаражи...” ... 170
Бывшие громовержцы ... 171
Без огня ... 171
“Мы любим сполохи сенсаций...” ... 172
“Отвыкли хлеб в деревне печь...” ... 173

Просветители ... 174
“Матери!..” ... 175
Персидская сирень ... 176
Лесник ... 177
“Уважая друг друга...” ... 178
“Всегда опаздывает почта...” ... 179
Все-таки дошел Шамиль до Мекки ... 180
Небастующий город ... 181
Приглашение ... 182
Валютопленные ... 183
“Россия начинает пить “Мартини”...” ... 184
“Интересен поэт, если он — современник...” ... 185
Работай, друг! ... 186
“В бинокли ловим астероид...” ... 187
Чарли Чаплин ... 188
“Русь — разорванный круг...” ... 189
“Печаль и радость вздыбленного мира...” ... 190
“Истина — характером прямая...” ... 191
Именной указатель ... 192

Книги В.В. Рассохина

"Капель". Стихи (Тула), 1968.
"Золотая кувшинка". Стихи. Поэма (Тула), 1971.
"На ветру". Стихи (Тула), 1977.
"Тропинка". Стихи (Москва), 1980.
"С восходом солнца". Стихи. Поэма (Тула), 1985.
"Круговорот". Стихи (Тула), 1992.
"Шапка Мономаха". Стихи. Поэмы (Орел), 1992.
"Последняя дуэль". Стихи. Поэма (Орел), 1997.

Коллективные сборники: "Писатели Орловского края", "Ровесник", "И я этой силы частица", "Светлячок", "Рассвет над Окой" (Тула), "Среднерусская полоса" (Брянск), "О чем поет народ Отчизны", "Родники народные", "Орбита мужества", антология "Час России" (Москва).

О творчестве Виктора Рассохина тепло отзывались и представляли его в различных изданиях С. Щипачев, Н. Рыленков, И. Доронин, Н. Агеев, С. Викулов, Д. Паттерсон, С. Баруздин, М. Алексеев, С. Золотцев, Н. Старшинов, И. Николюкин, В. Ермаков, Д. Блынский, Е. Зиборов, Л. Афонин, Д. Шестаков, А. Логвинов, И. Подсвиров, Г. Курляндская, А. Николаев (БСЭ).

Виктор Васильевич Рассохин

Последняя дуэль

Посмертный обыск
(Драматическая поэма)

Избранные стихотворения

Книга издана в авторской редакции.
Технический редактор В.А. Рыданская
Корректор Н.И. Неврова

Сдано в набор 22.08.97. Подписано в печать 24.10.97.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. п. л. 13,95. Уч.-изд. л. 10, 75. Тираж 10 000 экз. Заказ № 328.

Набрано, сверстано и отпечатано в ИПФ "Фолиант"
302025, г. Орел, Московское шоссе, 117
Лицензия ЛР № 010301 от 23.06.93
Министерства печати и информации РФ.

Акционерные общества "Орелагропромснаб" и "Орелагролизинг" в своей деятельности избрали главное направление — работать в тесном контакте с товаропроизводителями села и города.

Вовремя обеспечить их автомобильной и сельскохозяйственной техникой, запасными частями к ней, оборудованием и другими материально-техническими ресурсами — наиважнейшая задача, которую успешно решают высококвалифицированные коллективы, сохраняя при этом объективные цены.

Генеральный директор А.И. Наумов и генеральный директор С.Н. Каменева делают все возможное, чтобы ассортимент товаров, уже имеющий более 5000 наименований, имел постоянный спрос, а связь с поставщиками из России и стран СНГ была устойчивой и крепкой. Ощутима в этом направлении помощь со стороны головной фирмы АО "Росагропромснаб" (г. Москва), которую возглавляет генеральный директор В.Я. Лимарев.

Четкая система снабжения, поставленная на научную основу, была и есть в поле зрения главы администрации Орловской области Е.С. Строева, его заместителя А.Н. Майорова, начальника областного управления сельского хозяйства и продовольствия А.А. Михалева, ректора Орловской сельскохозяйственной академии Н.В. Парахина.

В трудных условиях рыночных отношений эти коллективы не замыкаются в своем специализированном кругу, а стремятся вести и большую общественную работу во благо духовного развития Отечества. Они — шефы уникального в России мемориала "Убитая деревня", расположенного в Урицком районе, помнят их поддержку реставраторы храма Покрова Пресвятой Богородицы в Московской области, церковь Смоленской иконы Божьей Матери в Орле. По их инициативе открылся фирменный магазин "Баварский базар" с товарами из Германии к услугам орловчан и гостей города...

Авторитетность этих акционерных обществ очевидна. Вас ждут здесь и всегда пойдут Вам навстречу.

Запишите адрес для деловых контактов.

302009, г. Орел, Северный парк, 9

Тел.: 5-82-16, 5-86-69, 5-81-44, 5-30-77

Факс: 5-83-45, 9-12-03

Телетайп: 148287 "Дон"

Любителям поэзии предлагается подарочное издание избранных стихов Виктора Рассохина. Специально выполненные для этой книги этюды автора органично вплетаются в подборку стихотворений, создавая обрамление почти зримому образу поэта.